

Алла Игоревна Бегунова
Тайна генерала Багратиона
Серия «1812. Дороги и победы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6028129
Тайна генерала Багратиона: Вече; М.; 2012
ISBN 978-5-9533-6273-3

Аннотация

Генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион – пожалуй, самый известный и одновременно самый загадочный полководец Отечественной войны 1812 года. Мастер исторического остросюжетного романа Алла Бегунова предлагает собственную оригинальную и необычную версию событий, связанных с действиями 2-й Западной армии под командованием князя Багратиона со времени Дунайского похода 1810 года и до знаменитого Бородинского сражения в сентябре 1812 года.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алла Бегунова

Тайна генерала Багратиона

Автор выражает свою глубокую признательность Игорю Сергеевичу Тихонову, сотруднику Государственного архива Российской Федерации, председателю историко-патриотического объединения «БАГРАТИОН», за предоставленные им для этой книги эксклюзивные, ранее не публиковавшиеся архивные документы.

Глава первая

Гнев Государя

Сырой февральский ветер, поднявшись где-то в низовьях большой реки, полетел над Нижнедунайской равниной. Малонаселенные и безлесные пространства только увеличили его штормовую силу. С воем ударил вихрь в белые стены старинной крепости, за которыми прятался город Бухарест, столица княжества Валахия.

В этот предзакатный час столичные улицы были пусты. Прошумев по ним, сломав несколько деревьев в парке Хэрестэу, вспенив воду в озере Тэй, ураган обрушился на восточный район города Витан, и в двухэтажном особняке, принадлежавшем когда-то знатному боярину Михаю Водэ, задрожали стекла в окнах.

Качнулись и тонкие язычки свечей в большой гостиной. Кто-то из мужчин, сидящих там за столом, обернулся и посмотрел в окно на серую тучу, обложившую небо:

– Экая непогода!

– Заметьте, господа, при этом не холодно. У нас, в России, еще морозы трещат.

– Верно. Здесь температура – около нуля. А ветер – промозглый.

– Ничего. У наших служивых шинели толстые. Не пробьет...

В комнате находилась компания мужчин примерно равного возраста: от сорока до пятидесяти пяти лет, в темно-зеленых длинных сюртуках с одинаковыми наградами на них: белыми эмалевыми крестиками разного размера – орденами Святого Георгия трех степеней, от второй до четвертой.

Это были члены военного совета нашей Молдавской армии, расположенной на Дунае. Они приступили к ужину, только что завершив свое очередное заседание.

– Советую вам, Матвей Иванович, попробовать моей мадеры, – обратился Главнокомандующий армии князь Багратион к своему соседу справа.

– Чай, подделка какая-нибудь местная, – недоверчиво покосился на графин генерал-лейтенант Платов, облаченный в отличие от других в темно-синий казачий чекмень с серебряными жгутами на плечах, застегивающийся на крючки.

– Не угадали, ваше превосходительство, – улыбнулся Багратион. – Через одного ушлого купца я заказал бочонок на самом острове Мадейра.

– Ладно, наливайте.

– Но не до краев, Матвей Иванович.

– Почему это?

– Весьма крепко зелье сие.

– Неужто на себе испытали? – Платов хитро прищурился.

– Так точно. Иной раз с холоду, после рекогносцировки возвратившись, чарочку и выпью. Для согрева.

– Вот! – донской атаман наставительно поднял палец. – А меня, старика, все укоряете...

Не слишком стар был Платов. Но здесь действительно старше всех. Ему исполнилось пятьдесят девять лет.

Служить он начал рано, с шестнадцати, урядником под началом отца, войскового старшины. В двадцать уже сам командовал полком и отличился в боях с турками и крымскими татарами еще при царице Екатерине Второй. Один крест – ордена Святого Георгия второй степени – висел у него возле воротника, на шее. Два других – третьей и четвертой степени – за черно-желтые ленточки крепились к чекмену на груди.

С удовольствием Матвей Иванович опрокинул стаканчик с мадерой в рот, одобритительно крякнул и жестом попросил князя налить ему снова. Выпивать стал донской атаман после 1799 года. Возможно, такой след оставило в его железном характере пребывание в камере-одиночке Петропавловской крепости.

Матушка-царица жаловала смелого казака, а ее сын, император Павел Первый, заподозрил Платова в антигосударственном заговоре и посадил в тюрьму, несмотря на все заслуги. Император же Александр Первый выпустил Матвея Ивановича на волю, восстановил на службе.

В Молдавской армии донской казак командовал корпусом. Вроде бы все наладилось, но воспоминания о темном каземате заставляли Платова с горечью размышлять о превратностях судьбы. Чтобы о том не думать, он начал часто прикладываться к рюмке. Багратион уже не раз и не два заставлял его в штабе корпуса в изрядном подпитии. Главнокомандующий никогда не ругал легендарного атамана, но мягко уговаривал бросить появившуюся у того дурную привычку.

На сегодняшнем военном совете Платов много хороших слов сказал Багратиону. Генералы обсуждали проект летней кампании против турок на нынешний, 1810 год. Они говорили о плане князя как о документе, глубоко продуманном, в полной мере отвечающем интересам Российской империи в придунайских княжествах Валахии и Бессарабии, частично уже отвоеванных у османов.

Ужин, последовавший за совещанием, также проходил в сердечной и непринужденной обстановке. Впрочем, генералы любили бывать у Петра Ивановича Багратиона. Он собирал их нечасто, говорил на совещаниях кратко и по существу дела, никаких скоропалительных ответов на свои вопросы от них не требовал.

После совета, редко длившегося более полутора часов, князь приглашал военачальников к столу, накрытому щедро, изобретательно, красиво. Несмотря на суровую зимнюю пору и весьма скудные запасы провизии в здешних придунайских степях, они едали у Главнокомандующего и жареных рябчиков, и сома, фаршированного грибами, и салат из свежей спаржи, и вкуснейшие румынские пирожки «поале'н брыу» с растертой в сливочном масле брынзой.

Всего было вдоволь у генерала от инфантерии¹. Но для других, не для себя. Сам он ежедневно довольствовался порцией гречневой или перловой каши да ржаным солдатским сухарем к чаю. За обедом выпивал рюмку вишневой настойки, изготовляемой его поваром. Зато пыльные бутылки с длинными горлышками, укупоренными пробковым деревом, по заказу князя Петра привозили в ящиках из Вены, Берлина, Будапешта.

Они красовались на столе посреди паштетов и заливных блюд, между серебряной и мельхиоровой посудой. Потчuya гостей, Багратион отпивал глоток из бокала, ставил его на стол, затем говорил, что, конечно, сии напитки похожи на прекрасные изделия грузинских виноделов – то «Мукузани», то «Напареули», то знаменитую «Хванчкару», – а все ж таки вкус, цвет и запах у них гораздо беднее и проще. Не хватает им ослепительного кавказского

¹ Генерал от инфантерии – высший чин среди генералитета. В современном значении – [генерал-полковник](#).

солнца и буйного ветра, что приносит в земледельческие долины волшебный воздух высокогорных лугов.

Без малейшего акцента, на отличном русском языке изъяснялся с сослуживцами этот потомок древней грузинской династии царей Багратионов, родившийся между тем в Кизляре, маленьком пограничном городке недалеко от берега Каспийского моря, населенном в основном, казаками с Дона и Хопра. Разумеется, генералы этого не знали. Да такое знание ничего бы и не изменило в их отношениях. Российская империя многим инородцам христианского вероисповедания дала приют.

Багратион стал известен русскому обществу после итало-швейцарского похода Суворова. Тогда великий полководец назвал его своим любимым и лучшим учеником. В ноябре же 1805 года в сражении под австрийским городом Шенграбенем князь Петр, командуя отрядом в пять тысяч человек, сумел сдержать наступление тридцатитысячного французского корпуса. За столь выдающийся подвиг император Александр Первый пожаловал ему орден Святого Георгия второй степени.

Эмалевый крест с расходящимися лучами и сейчас белел у воротника сюртука. Иных знаков отличия, кроме этого старшего и наиболее почетного среди прочих своих наград, Петр Иванович на военный совет не надел: деловое совещание – не парад, не прием во дворце, не торжественное богослужение в церкви. Соратники Багратиона, бывалые воины, не нуждались в постоянном напоминании о прошлых заслугах Главнокомандующего. Они уважали его за деяния нынешние, за добрый нрав, за дружество, за широкое гостеприимство.

– Эй, Филимон! – окликнул генерал от инфантерии лакея, проходившего мимо с блюдом, наполненным ломтями буженины. – Принеси-ка второй графин мадеры и разлей ее всю до капли... Господа, выпьем за нашу победу в новых сражениях с бусурманами, будь они неладны!

Военачальники, взяв чарки с прозрачным коричневатым напитком, поднялись из-за стола. Тост Главнокомандующего – дело серьезное.

Князь Петр обвел присутствующих горящим взглядом. Воистину, были они ему словно братья по военному опыту, по принадлежности к тому поколению, которое не зря называли «орлы Екатерины Великой», по заслугам, по особым царским наградам. «Белые кресты», или Георгиевские кавалеры, в чьей храбрости, мужестве и стойкости Главнокомандующий мог не сомневаться.

Задумчиво смотрел на него стоящий рядом московский дворянин сорокачетырехлетний генерал-лейтенант, командир корпуса Евгений Иванович Марков, в бою – решительный, в мирной жизни – рассудительный и спокойный. Орден Святого Георгия, только меньшего, чем у Багратиона, размера, не второй, а третьей степени, имелся и у него на сюртуке.

Славно дрался Марков с французами в прусскую кампанию 1807 года! В придунайских степях он успел отличиться в баталии за крепость Мачин, затем был ранен картечью в правую ногу под Браиловым. Рана его еще не зажила. Хромая, Марков приехал на военный совет потому, что считал обязанностью посетить данное собрание.

За коренастой, плотной его фигурой виднелся длинный силуэт французского дворянина сорока семи лет, генерал-лейтенанта графа Александра Федоровича Ланжерона. Свой орден Святого Георгия четвертой степени он получил из рук Екатерины Второй за храбрость, проявленную в бою со шведами под Выборгом.

Бывших соотечественников Ланжерон встретил на поле Аустерлица, но ничуть не растерялся. Не его вина, что русские полки, которыми он командовал, понесли там значительные потери. Однако царь остался им недоволен и предложил подать в отставку. Но упрямый Александр Федорович из армии не ушел. Очутился он на берегах Дуная: Багратион приказал ему прикрывать Бухарест. Во главе отряда в шесть тысяч человек, граф в августе 1809 года двинулся против османов, имевших трехкратное численное превосходство, и разбил их у

селения Фрасины. Император сменил гнев на милость и прислал Ланжерону орден Святого Владимира второй степени.

Как и Ланжерон, очень смешно, не признавая падежных окончаний и спряжения русских глаголов, говорил генерал-лейтенант Петр Кириллович Эссен, происходивший из лифляндских дворян. Самый молодой дивизионный начальник (всего 38 лет), он отличился со своей 8-й дивизией в битве с французами при Прейсиш-Эйлау.

Отбив нападение противника, его солдаты перешли в наступление и захватили восемь вражеских пушек, два знамени и около тысячи пленных. Эссен во время атаки был впереди строя бойцов со шпагой наголо. За это он получил орден Святого Георгия третьей степени.

Подобных подвигов 8-я дивизия здесь пока не совершила. Но Багратион ожидал, что в грядущую кампанию она покажет себя с лучшей стороны.

Второй лифляндец, пятидесятилетний генерал-лейтенант Андрей Павлович Засс стоял напротив Главнокомандующего, у другого конца стола. Мадеру он не допил и незаметно поставил чарку между тарелками: застарелая болезнь печени принуждала его вести крайне умеренный образ жизни.

Орден Святого Георгия четвертой степени, продетый в петлицу сюртука, Засс заработал в 1794 году, под командой Суворова громя взбунтовавшихся поляков. Но императору Павлу храбрый генерал-майор почему-то не понравился. Его, как в те времена говорили, «выкинули из службы». Лишь в 1802 году он снова надел мундир, на сей раз кавалерийский, а не пехотный.

В сентябре 1809 года Андрей Павлович во главе двенадцати батальонов пехоты и трех конных полков с несколькими орудиями осадил крепость Измаил и заставил ее гарнизон капитулировать. «Деятельность генерал-лейтенанта Засса я в полной мере изобразить не могу, – написал тогда в рапорте царю восхищенный Багратион. – Он не предпринимает ничего, если сам сперва не осмотрит места; везде на работах, и днем и ночью, был сам; во время канонады находился на батареях; при вылазках неприятельского гарнизона из крепости распоряжался сам...».

Государь проникся уважением к герою. Орден Святого Александра Невского и «аренда», то есть денежное вспомоществование в сумме двенадцати тысяч рублей на десять лет, стали ему наградой.

Признательно улыбался Главнокомандующему скромный и молчаливый Андрей Павлович. Ведь лифляндские дворяне, равно как и грузинские, большими средствами никогда не располагали. Одно офицерское жалованье составляло основу их бюджета. Орден и бумаги о предоставлении «аренды» генерал-лейтенант получил в конце января, то есть месяц назад. Деньги пока не пришли, и на военный совет кавалерист надел старый потертый сюртук Переяславского драгунского полка с фиолетовым воротником, серебряными пуговицами и эполетами.

Вот уж кого абсолютно не волновали финансы, так это генерал-майора Дмитрия Петровича Резвого, сорока восьми лет от роду. Отец его, Резвой – старший, владелец рыбных промыслов и обширных земельных участков, оставил сыну большое наследство. Однако у наследника существовал изъян: отсутствовало потомственное дворянство. Знаменитый санкт-петербургский богачей являлся всего-навсего купцом и почетным гражданином.

Став офицером, он, конечно, автоматически получил личное дворянство, но таковое в придворных кругах не котировалось. В виде исключения, как командующего обеими артиллерийскими бригадами Молдавской армии Резвого пригласили на военный совет. Среди участников он не выделялся.

Смело сражался с поляками Дмитрий Петрович в 1794 году и получил орден Святого Георгия четвертой степени. В 1799-м вместе с Суворовым перешел через Альпы и стал генерал-майором. А за действия артиллеристов при осаде турецких крепостей на Дунае Багра-

тион представил его к ордену Святого Георгия третьей степени и к производству в генерал-лейтенанты. Награждение орденом Александр Первый утвердил, однако на повышение Резвого в чине Высочайшего соизволения не последовало...

В шестом часу вечера в столовую из кухни принесли второе горячее блюдо: кулебяку с капустой. Пышный пирог лакеи резали на куски и раздавали гостям. Хорошо пропеченное тесто таяло во рту, оттеняя нежным вкусом крепкое, чуть горьковатое вино.

В комнате воцарилось молчание. Только самому молодому гостю, генерал-майору князю Василию Сергеевичу Трубецкому, на месте не сиделось. На военном совете его присутствие было необязательным, но по праву давнего знакомства с Главнокомандующим он все-таки сюда явился.

Теперь, чтобы обратить на себя внимание, Трубецкой подошел к Багратиону с чаркой, снова наполненной мадерой, и пылко произнес:

– Ваше сиятельство! Будучи признанным вождем российских войск, скоро вы поведете нас в бой. За вашу доблесть! За ваш полководческий талант! За вашу удачу!

– Спасибо, друг мой, – улыбнулся Багратион.

– Дружба наша проверена огнем, Петр Иванович! – продолжал говорить слишком громко князь.

– Да, конечно, – кивнул ему генерал от инфантерии.

В 1805 году майор Трубецкой служил у него адъютантом. Выпало им обоим суровое испытание: битва объединенных русско-австрийских войск с наполеоновской армией под Аустерлицем.

Лишенные единого командования, действуя по бездарному плану кабинетных теоретиков из австрийского Генштаба, союзники потерпели сокрушительное поражение. Отряд Багратиона отступал вместе с другими частями под жестоким обстрелом французской артиллерии и при бесперывных атаках французской пехоты, имевшей численное преимущество.

За пять лет, минувших с того печального дня, Трубецкой быстро преодолел ступени карьерной лестницы. Сказалась близость его семейства к царскому двору. Смолоду Василий Сергеевич, естественно, служил в гвардии, потом – все больше по армейским штабам. После 1807 года государь пожаловал князя в свои генерал-адъютанты.

В Молдавскую армию он приехал с золотым аксельбантом на правом плече, хотя начальствовал здесь только бригадой из двух егерских полков. Однако было у блестящего представителя старинной русской аристократии поручение, о коем Багратион даже не догадывался: исполняя личную просьбу императора, Трубецкой регулярно отправлял в Санкт-Петербург конфиденциальные донесения о деятельности Главнокомандующего, о состоянии вверенных ему воинских частей, о настроениях солдат, офицеров и генералов, служащих под его руководством.

Ничего предосудительного в том или зазорного для себя тридцатичетырехлетний генерал-майор не находил. Обычное дело: ведь должен же самодержец Всероссийский быть в курсе событий, происходящих в разных концах его страны. Нужно ему иметь сведения не только официальные, от чиновников, на высокие посты им назначенных, но и неофициальные, от тех, кто не по долгу, а по велению души радеет о пользе Отечества.

Перед отъездом Трубецкого на Дунай Александр Павлович удостоил молодого честолюбца аудиенции в Зимнем дворце. Во время беседы он изложил Василию Сергеевичу свои взгляды на восточный вопрос.

Турок царь считал противником слабым. Тем более непонятно было монарху, почему война с ними, длящаяся уже не первый год, все никак не закончится. Когда же грянет убедительная победа: проведение границы по реке Прут, присоединение к России новых территорий на Кавказе и в Северном Причерноморье, выплата контрибуции в ее пользу милли-

онов этак на десять или пятнадцать серебряных турецких пиастров? Что мешает такому справедливому исходу?

На вопрос государя князь Трубецкой как настоящий русский патриот неустанно искал ответ, пребывая в палаточном лагере, навещая постоянно своего бывшего отца-командира Багратиона, совершая переходы с подчиненными ему егерями, попадая в столкновения с противником, какие вела молдавская армия. Поначалу его секретные рапорты в Санкт-Петербург пестрели не сообщениями о замеченных недостатках, а больше напоминали гимн во славу русского оружия.

Князь Петр, летом 1809 года вступив в должность Главнокомандующего, рьяно взялся за дело. Уже в августе пала османская крепость Мачин, пусть и не очень значительная. Вслед за ней – более укрепленные Гирсово и Кюстенджи.

В полевом сражении у городка Рассеват генерал от инфантерии разбил корпус Хозрев-паши. Из двенадцати тысяч мусульман погибли и получили ранения около четырех тысяч, в плен попало шестьсот человек. Кроме того, нашим в трофей достались семь орудий, три десятка знамен и богатый обоз, брошенный отступавшими в панике воинами Аллаха.

В сентябре капитулировал Измаил.

С радостью доносил бравый генерал-адъютант Александру Первому, что турки при подобной ситуации, вероятно, вскоре пойдут на переговоры и Россия сможет продиктовать им свою волю. Солдаты же в армии Багратиона премного довольны службой, ибо во взятых крепостях досталось им немало всякого добра. Офицеры преданы полководцу безгранично. Генералы, осыпанные наградами, помышляют лишь о подготовке вверенных им воинских соединений к новым схваткам с неприятелем.

И вдруг случился конфуз со штурмом крепости Слободзея. Она было посильнее Измаила: 130 орудий, гарнизон – одиннадцать тысяч. Первый приступ не удался. Затем на помощь к осажденным начали подходить отряды из армии великого визиря, расположенной у Рушука. Возникла опасность окружения нашего осадного корпуса, и Багратион приказал отступить.

Русские уходили медленно, надеясь, что османы будут преследовать их, и тогда удастся завязать полевое сражение. В нем средневековое войско султана устоять против регулярной пехоты и кавалерии уже давно не могло. Однако хитрые турки в поле не сунулись, остались на бастионах Слободзеи.

Князь Трубецкой старался описать эти события кратко, сухо, сугубо объективно. Прорисовки Главнокомандующего бросались в глаза. Он расплылся при штурме, не воспользовался резервами, довольно многочисленными, правильно не оценил упорство турок, их умение стойко обороняться в окопах. Стало быть, на сей раз суворовский «глазомер» изменил генералу от инфантерии. Вместе с тем сие не есть поражение. Война продолжается. Оба противника, сохранив главные силы, готовы сойтись в поединке.

Личной неприязни к Петру Ивановичу генерал-адъютант не испытывал, скорее наоборот. Он совершенно искренне, не кривя душой, провозгласил на ужине здравицу в его честь. Однако особенное доверие государя придавало пребыванию Василия Сергеевича в Молдавской армии некий новый смысл. Потому он ощущал тайную власть над людьми, собравшимися нынче у Багратиона, и даже наслаждался ею.

Может быть, единственно плохим и непонятным самому Трубецкому оставалось то, что донесения о всевозможных неприятностях получались у него ярче, убедительнее, интереснее для начальства, чем сообщения о победах и достижениях. Он удивлялся этому, но поделать с собой ничего не мог.

В последнем, декабрьском, рапорте генерал-адъютант много внимания уделил внезапной ссоре Главнокомандующего с генерал-лейтенантом Милорадовичем. Строптивный, слишком эмоциональный, заносчивый серб и раньше не ладил с Багратионом. Он ревниво

отнесся к его назначению, полагая, что начальствовать над Молдавской армией следовало бы именно ему, Михаилу Милорадовичу. Если исходить из понятий армейской субординации, то такое поведение заслуживало порицания. Однако же и князь Петр не без греха.

Совсем мало места досталось на бумаге главному событию – переходу наших полков с правого берега Дуная на левый для более удобного размещения на зимних квартирах. По наплавному мосту, сооруженному саперами близ Гирсово, солдаты прошли бодро и весело. Они радовались предстоящему длительному отдыху.

Не ожидал Трубецкой, что его обычное конфиденциальное послание произведет столь сильное действие. Правда, впоследствии знающие люди в Санкт-Петербурге уверяли Василия Сергеевича, будто на решение самодержца повлияли и другие обстоятельства. Но тогда, на ужине после военного совета в кругу генералов, при взгляде на побледневшего Багратиона молодому аристократу подумалось иное, и кровь бросилась ему в лицо.

А все из-за юного Павлуши Муханова, прапорщика лейб-гвардии Егерского полка, одного из пяти адъютантов Главнокомандующего. По молодости лет тот еще не утратил возторженного отношения к службе и, подобно многим обер-офицерам, князя Петра за подвиги просто боготворил.

Приняв от посыльного пакет с красными царскими печатями, Муханов немедленно отправился в столовую. Он пребывал в убеждении, что император явил новые милости обожаемому Павлушей генералу от инфантерии.

– Ваше сиятельство! – воскликнул прапорщик. – Вам сейчас доставили рескрипт государя!

Собственно говоря, это было нарушение устава. Не должно так вести себя человеку, имеющему всего первый офицерский чин, в обществе людей, занимающих высокие военные должности. Но генералы, сполна вкусив щедрот хлебосольного хозяина, не рассердились. Они только добродушно посмеялись над выходкой мальчишки.

– Видите, господа, его величество не оставляет Высочайшей своей заботой нашу Молдавскую армию, – сказал Багратион, вскрывая пакет.

– Ну читайте же, Петр Иванович, – поторопил его Платов.

– Одну минуту...

Главнокомандующий осторожно развернул лист плотной бумаги, сложенный втрое, удостоверился в подлинности подписи, поставленной в его конце: «Александръ», – и пробежал глазами первые строки.

Не сразу после этого смог он говорить. Да и голос его звучал глухо, точно со дна колодца. Соратники Багратиона почувствовали, что новость, привезенная фельдъегерем в Бухарест из столицы Российской империи, крайне неприятна. Но вслух рескрипт князь дочитал все же до конца, хотя и медленно:

– «Господин генерал от инфантерии князь Багратион!

Усердие ваше и ревность к славе Отечества, коими вы всегда воодушевляетесь, явили ныне вновь опыты военного искусства при покорении Российскому престолу Дунайских княжеств, под пятою османов доселе находившихся. Это поставляет меня в приятнейшую обязанность изъявить через сие совершенную мою признательность.

По уважению болезни, ныне вас одержавшей, и по изображенной вами невозможности продолжать командование армиею увольняю Вас в отпуск на четыре месяца до поправления сил. Твердо уповаю, что, восстановив расстроенное здоровье ваше, посвятите оное паки на службу мне и Отечеству и доставите новые и приятные случаи к изъявлению Вам благоволения моего, с коим и ныне пребываю, благосклонный АЛЕКСАНДР.»

Официально князь Петр ни с какими просьбами об отпуске – тем более на четыре месяца – не обращался. В переписке с военным министром графом Аракчеевым он действительно однажды и вскользь упомянул о старых своих ранах и некоторой усталости от труд-

ной нынешней кампании с турками. Каким образом фраза из частного его письма доброму знакомому Андрею Алексеевичу попала в государев рескрипт? И кто помог ей совершить такое путешествие?

В просторной комнате как будто все осталось по-прежнему: стол, теперь накрытый к десерту, военачальники в креслах, лакеи, разносящие чай в фарфоровых чашках, адъютант Муханов, застывший возле Главнокомандующего с растерянным и удивленным видом. Но что-то изменилось – необратимо, кардинально, навсегда.

Генерал-майор Трубецкой, будучи не в силах выдержать столь долгое молчание, резко повернулся, и чашка, которую ему протягивал слуга, со звоном упала на пол. Осколки разлетелись в стороны, горячий напиток мгновенно превратился в пятно на ковре. Генералы переглянулись.

Андрей Павлович Засс взял белый обломок, попавший ему на колени, положил его на стол, затем поднялся с места.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – сказал он Багратиону. – Путь в штаб-квартиру моего корпуса неблизкий. Позвольте откланяться...

Главнокомандующий в знак согласия кивнул.

Тут, особо не торопясь, начали собираться и другие. Никто из них не сказал князю Петру о рескрипте ни слова. Благодарили за отменное угощение, хвалили кулебяку с капустой, жаловались на скверную погоду в Бухаресте в феврале. В том заключалась щепетильность, присущая людям в генеральских эполетах: решения монарха в широком кругу не обсуждать, с утешениями к пострадавшему не лезть, чужой отставке не радоваться. Каждый, достигший чина сего, понимал, как переменчива Фортуна, дама очень капризная.

Багратион сохранял внешнее хладнокровие, гостям улыбался. Но чего ему это стоило!

Когда-то, в далекие отроческие годы, матушка учила Петра Ивановича все горести и напасти бросать в огонь. Для того следовало сесть перед очагом на кожаную подушку, скрестить ноги по-турецки, руки положить на колени, сосредоточиться и взгляд устремить на пламя, пляшущее на поленьях. Через несколько минут покажется, будто в желто-алых всплесках возникают демонические фигуры, корчатся, исчезают без следа. Так сгорит обида, злость, ненависть, и сердцу станет легче.

Генерал от инфантерии, проводив последнего гостя, приказал камердинеру Иосифу Гави, итальянцу, давно живущему в России, растопить в кабинете камин.

Слуга полагал, что хозяин после обильного ужина ляжет спать и нужного количества сухих дров не заготовил. Огонь разгорался плохо. Пришлось строить из тонкой щепы шалашик, подносить к нему скрученные вроде фитилей листы бумаги.

Багратион терпеливо ждал, сидя в кресле. Очень многое изменилось с тех пор, как отпрыск древнего рода покинул дом своего отца в Кизляре. Там в маленькой комнате по неровно оштукатуренным стенам тени от огня вырастали, словно великаны, и скользили к низкому потолку.

Здесь, в апартаментах румынского боярина Михая Воде, до стен, покрытых гобеленами, тени не доставали. Сам камин, облицованный розовым мрамором, с кованой фигурной решеткой впереди и позолоченными часами на подставке, напоминал алтарь языческого божества. «Красиво, но бессмысленно, – думал Багратион, понемногу успокаиваясь. – Дух Огня не нуждается в украшениях...»

От мальчика из бедного грузинского семейства, у которого имелись лишь воспоминания о былом царском величии, до Главнокомандующего Молдавской армией пролегла целая жизнь. Князь Петр провел ее в походах и сражениях, получив чины и ордена за ревностную службу. Много он знал подобных служак, со многими дружил, многим покровительствовал. Однако если бы в 1787 году светлейшему князю Григорию Александровичу

Потемкину-Таврическому вдруг позарез не понадобился бы верный человек, владеющий персидским языком, то, может быть, все у него сложилось иначе.

Отец генерала, Иван Александрович Багратион, действительно был внуком царя Иессея, правившего в Картлинском царстве в начале XVIII столетия. Жестокие завоеватели, турки и персы, обрушились тогда на Грузию, жгли деревни, разрушали города, угоняя жителей в рабство. Они передавали престол своим ставленникам, принуждая грузинских царей принимать ислам и забирая их детей к себе в качестве заложников. Потому Иван Багратион родился и вырос в персидском городе Исфаган.

К концу XVIII века восточных тиранов стали вытеснять с Кавказа русские. Стеной непобедимых батальонов они прикрыли провинции Грузии: Имеретию, Картли, Менгрелию, Гурию, Кахетию.

Дикие орды мусульман откатились на юг, за горные хребты. Вместе с ними ушел кое-кто из царских детей и внуков, не поверив в торжество северного колосса. Но кое-кто остался и попросил российского подданства. К последним принадлежали Багратионы.

Иван Александрович по указу Екатерины Второй получил чин офицера, служил на Кавказской пограничной линии и вышел в отставку секунд-майором. Из-за недостатка средств он не смог дать детям обычного для того времени дворянского образования. Зато на языке фарси часто говорили дома, и сообразительный сын его усвоил чужую речь легко. Иван Александрович, помня трудное детство в Исфагане, научил мальчика даже персидскому письму, весьма причудливому в сравнении со славянской кириллицей.

Потом началась «фрунтовая наука»: князь Петр поступил рядовым мушкетером в Астраханский пехотный полк и через год стал там сержантом...

Камердинер положил в камин толстое сучковатое полено. Огонь жадно накинулся на него, поднялся выше, заметался между черными стенами.

Князь Петр длинной кочергой подвинул полено в глубь очага. В ярких всполохах ему теперь привиделось породистое лицо благодетеля с высоким лбом, несколько полноватыми щеками, твердо сжатыми губами и черной повязкой на левом глазу. Потемкин ее не любил, но надевал, являясь на службу в Военную коллегию, которая располагалась на Васильевском острове в Санкт-Петербурге.

Совсем непросто было попасть к нему на прием. Но за восемнадцатилетнего сержанта Астраханского полка похлопотала родственница, княгиня Анна Александровна Грузинская. Светлейший князь прислушался к ее рекомендации и назначил аудиенцию выходцу с юга.

У Багратиона, недавно приехавшего в столицу Российской империи, не нашлось даже приличествующей важному случаю одежды. Кафтан уступил ему дворецкий княгини. Он оказался не совсем подходящим по размеру, и правнук царя Иессея ужасно стеснялся сначала и без конца одергивал короткие рукава.

Но Григорий Александрович, человек прозорливый и государственный муж с огромным опытом, на одежду не обратил внимания. Бросив пристальный взгляд на молодого грузина, он задал несколько вопросов. Ответы его удовлетворили, и президент Военной коллегии перешел к сути дела.

Оно касалось пребывания в России посольства персидского правителя Али Магомет-хана. Здесь мало кто знал его язык. Однако международная обстановка – персы скрытно продолжали противодействовать русским на Кавказе – требовала точных сведений об истинных намерениях Али. Условие имелось одно, предупредил Потемкин. Сержант Астраханского полка, назначенный в свиту посла, не должен показывать свои познания в персидском. Его задача другая: слушать разговоры иностранцев, наблюдать за ними, запоминать их действия, встречи с людьми, разные необычные случаи.

– Это – конфиденциальное поручение, ваше высокопревосходительство? – спросил князь Петр, подумав.

- Конечно, сержант. Никому ни слова о нем.
- А рапорт о проделанной работе?
- Только мне.
- Я согласен.

Страшные, злобные персы с бородами, завитыми в мелкие колечки и окрашенными в рыжий цвет хной, были постоянными персонажами в рассказах его отца. Он мечтал стать воином и отомстить им за несчастья родного края, некогда цветущего, но разоренного варварами. Этот час настал.

Наилучшим образом исполнил секретное задание светлейшего князя Петр Иванович и получил награду – первый офицерский чин прапорщика.

При Потемкине он находился и в следующем, 1788-м году, во время осады и штурма турецкой крепости Очаков. Здесь он проявил не столько ловкость и хитрость, сколько замечательную храбрость. Григорий Александрович пожаловал ему золотой «Очаковский крест».

Далее карьера Багратиона круто пошла вверх. В год смерти своего благодетеля он сумел перешагнуть рубеж, для многих непреодолимый: из обер-офицеров в штаб-офицеры – и стал секунд-майором Киевского конно-егерского полка...

Поленья в камине превратились в черные головешки, подернутые пеплом. Лики прошлого утратили очертания и отступили, затерявшись в темноте, стусившейся за окном.

Главкомандующий легко поднялся на ноги. Завтра или послезавтра он напишет верноподданническое письмо императору Александру. Подтвердит, что генералы, офицеры и солдаты Молдавской армии горят желанием победить неприятеля в летней кампании 1810 года. Поблагодарит за отеческую заботу о его, князя Петра, здоровье и попросит Высочайшего соизволения на длительную поездку.

Впрочем, куда ему теперь ехать, генерал от инфантерии пока не решил. Может быть, в Санкт-Петербург? В последние годы он жил там часто и подолгу, но собственного пристанища так и не обрел. Слишком дорога была столичная недвижимость, совсем не по карману военачальнику, водившему в бой полки, дивизии и корпуса. Бывало, он останавливался у родных. Бывало, снимал квартиры.

Жил он и на Дворцовой набережной в роскошном здании с колоннадой, которым владела княгиня Гагарина.

Здесь зимой 1806 года к герою Шенграбена и Аустерлица собирались друзья и знакомые, чтобы за богатым кавказским столом послушать рассказы суворовского ученика о прежних походах и победах. В число гостей входили известные персоны. Тогдашний министр иностранных дел князь Адам Чарторыйский – хитрый поляк, мечтавший о возрождении своей страны. Князь Петр Долгоруков – любимец государя и его генерал-адъютант. Князь Борис Голицын – второй муж Анны Александровны Грузинской. Великий князь Константин Павлович – младший брат царя. Молодой, но уже известный поэт – штабс-ротмистр Денис Давыдов. Князь Борис Четвертинский – полковник лейб-гвардии Гусарского полка. А также его сестра – несравненная красавица Мария Антоновна, в замужестве Нарышкина – фаворитка императора, родившая тому двух дочерей.

Лето же 1806 года Петр Иванович провел в Павловске, неподалеку от Санкт-Петербурга. Там лагерем стоял лейб-гвардии Егерский полк, шефом которого являлся Багратион. Там он купил, взяв деньги в долг, два дачных бревенчатых дома.

Там же в летней резиденции матери царя, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, благоволившей к шефу лейб-егерей, он познакомился с любимой младшей сестрой государя – великой княжной Екатериной, девушкой совершенно очаровательной, хорошо образованной, умной, с целеустремленным и решительным характером.

Юная Екатерина первой стала оказывать знаки внимания бравому сорокатрехлетнему генералу и, надо сказать, сумела-таки вскружить ему голову. Ох, уж эти прогулки в Павловском парке, псовые охоты, веселые праздники во дворце Марии Федоровны... Флирт, даже самый невинный, с персоной из царствующего дома грозил большими неприятностями простому смертному. Но Багратион увлекся. Как мило проходили их чаепития в парковой беседке, увитой плющом! Как лихо скакала царская дочь на сером жеребце за зайцами в поле, прилегающем к Павловску! Как грациозно выступала в полонезе на балу, посвященном дню ангела доброй ее матушки!

Нет, не стоит ему сейчас ехать в Санкт-Петербург. Гнев государя, коему нынче он получил очевидное подтверждение, вероятно, первопричиною своею имел сплетни о флирте генерала от инфантерии с великой княжной. Великосветские его знакомые, без сомнения, тут постарались. Делать-то им абсолютно нечего: рвать в клочки чужую репутацию – обычная забава.

Может быть, тогда отправиться ему на Кавказ?

В молодости служба в всевозможных полках кавалерии и пехоты, бывая в разных странах, князь Петр почти не вспоминал свою малую родину. Дом их семьи, сложенный из неотесанных камней, узкие улочки Кизляра, бурные воды Терека, шумевшие у городских стен, горные вершины вдаль – все это отступило на задний план перед новыми впечатлениями. Лишь с годами у генерала от инфантерии и многих орденов кавалера появилось желание посетить места, где он вырос. Манило возвращение к истокам, трогательные воспоминания детских лет, намерение увидеть соучеников из гарнизонной школы, если, конечно, кто-то из них доселе жив и здоров. Многие мог бы рассказать им он, проведя жизнь в чужой, далекой стороне.

Однако на Кавказе шла война с теми же турками и персами. В 1807 году персидский хан Фетх-Али подписал с Наполеоном союзный договор и получил от него деньги, оружие, инструкторов для обучения своей армии. Многотысячное войско персов под командованием принца Аббас-Мирзы перешло через реку Аракс, вторглось в Карабахское ханство и двинулось к городу Еревану.

Русские в схватках с мусульманами никогда не имели численного перевеса, но громили их неоднократно. Сказывалось превосходство в военной организации, опыте командиров, стойкости и храбрости. Как ни старались французские офицеры, а все-таки привить азиатам даже зачатки европейской армейской дисциплины они не смогли. Воины Аллаха впадали в панику и обращались в бегство при любом мало-мальски серьезном отпоре.

Но на Кавказе действовали свои герои!

Полковник Павел Михайлович Карягин, с двумя батальонами пехоты при четырех орудиях окруженный в небольшой крепости двадцатитысячным скопищем персов, три недели отражал их атаки, потом молодецким ударом пробился на соединение с прибывшим на помощь отрядом.

Генерал от инфантерии граф Иван Васильевич Гудович в 1807 году нанес сокрушительное поражение Аббас-Мирзе в битве при Арпачае.

Полковник Петр Степанович Котляревский в 1808 году, командуя семнадцатым Егерским полком, штурмом овладел городом Нахичевань, занятым большим гарнизоном, а также участвовал в разгроме персов при деревне Кара-баба.

Появление среди этой славной когорты генерала от инфантерии князя Багратиона, пусть и находящегося в отпуске, едва ли покажется его величеству уместным и политически оправданным... В таком случае, может быть, следует ему просить заграничный паспорт для поездки в Вену?

В столице Австрии по адресу: Риген-штрассе, 22, в особняке весьма изысканной архитектуры проживала его жена Екатерина Павловна, урожденная графиня Скавронская. Они

не виделись уже пять лет, с тех пор как княгиня Багратион уехала в Дрезден лечиться, а князь Багратион – в армию, готовившуюся к дальнему походу. Супруги переписывались. Иногда Петр Иванович посылал жене подарки. Он просил ее вернуться в Россию. Екатерина Павловна неизменно отвечала мужу, что климат северной страны очень вреден для ее здоровья.

Их брак сложился при энергичном участии императора Павла Первого. Венчание произошло 2 сентября 1800 года в церкви Гатчинского дворца. На церемонии присутствовали царь и царица, а также важные персоны, приближенные к трону.

Государь симпатизировал генерал-майору Багратиону, который не так давно возвратился из похода в Италию и Швейцарию, где в боях с французами проявил незаурядные способности военачальника. Павел Петрович приблизил к себе героя, назначив его шефом лейб-гвардии Егерского батальона, расквартированного в Гатчине, любимой своей резиденции.

Ученик Суворова, как ни странно, оказался прекрасным строевиком. Он довел вверенную ему командованию воинскую часть до высокой степени «фрунтового» совершенства. На парадах и разводах караула лейб-егеря радовали императора отличной выправкой и маршировкой, безукоризненной подгонкой амуниции, опрятным внешним видом.

Одна беда – князь Петр был беден, а служба в гвардии требовала немалых средств. Тогда государь позаботился о нем и подыскал ему невесту, очень молодую, красивую, состоятельную. Царской семье она доводилась дальней родственницей. Ее прадед был братом латышской крестьянки Марты Скавронской, более известной под именем Екатерины, жены царя Петра Великого, после его смерти взошедшей на российский престол. Естественно, Скавронские стали графами, богачами, придворными и скоро позабыли предков, некогда пахавших малопродуктивную прибалтийскую землю.

Вступая в брак, Багратион мечтал о дружной, сплоченной, многодетной семье. Согласно грузинским обычаям лишь она может служить усталому воину и поддержкой, и опорой, и прибежищем в трудное время. Никогда не оставлял князь Петр надежды убедить в этом Екатерину Скавронскую – женщину, которую он полюбил больше жизни...

На следующий день он отправил из штаба армии в Бухаресте не одно, а два письма. Первое, написанное им самим, дружелюбное, полное ласковых слов, – супруге в Вену. Его повез отставной ротмистр Дорер, часто выступавший особо доверенным посланником Багратиона. Второе, сугубо официальное, для императора Александра Первого, генерал продиктовал своему любимому адъютанту капитану лейб-гвардии Егерского полка Афросимову. Изъявляя полное согласие с решением монарха, князь Петр просил, однако, Высочайшего соизволения на поездку в Вену и упирал при том на особые свои семейные обстоятельства.

Более двух недель ушло на подготовку к передаче дел новому Главнокомандующему Молдавской армии. В качестве такового выступал граф Николай Михайлович Каменский, год назад произведенный в генералы от инфантерии за успехи в войне со шведами. Сын известного вельможи и генерал-фельдмаршала, он уже в двадцать один год получил чин полковника и должность командира Рязанского мушкетерского полка.

С Багратионом Каменский познакомился во время Итало-швейцарского похода Суворова. Затем они соперничали друг с другом в воинских подвигах на поле Аустерлица, при Прейсиш-Эйлау, на берегах Ботнического залива. Каменский был моложе князя на десять лет.

Теперь выходило, что отпрыск знатной фамилии догнал его в чинах и заменил на высокой должности, исключительных талантов не имея. Оттого Петр Иванович испытывал досаду, но делать нечего: гнев государя непостижим для подданных, грозен и никем неуправляем. Совершенно искренне желал князь Петр молодому генералу удачи в делах против турок. Может быть, тот, не отягощенный излишним опытом, сумеет устранить трудности, к которым сам Багратион только приблизился и намеревался разрешить их в новой своей кампании на Дунае.

Прощаясь с сослуживцами, генерал от инфантерии 15 марта 1810 года, писал в приказе: «...Во все время моего предводительства армиею каждый подвиг, каждое предприятие войск Его Императорского Величества, под моим начальством состоявших, ознаменованы были счастливыми успехами; важные приобретения, победы над неприятелем одержанные принесли и пользу Отечеству нашему, и честь войскам, и славу оружию Его Императорского Величества. Более же сего служит мне утешением то, что все победы над неприятелем в поле, все осады крепостей сопряжены были с весьма малозначущею потерею храбрых воинов российских ...»

Теперь перед мысленным взором генерала вставали русские полки и их солдаты, всегда храбрые, терпеливые, вдохновленные верностью государю, радеющие о благе Отечества.

Знал он лично и многих офицеров из этих полков. Для них слова присяги не были пустым звуком. Первыми шли они в атаку, первыми умирали под вражескими пулями. Деля с нижними чинами все трудности похода, верили они, что император позаботится об их семьях в случае смерти или увечья. Недаром его величество всегда называл себя первым среди равных, долгое время служил у отца своего Павла Петровича командиром батальона в лейб-гвардии Семеновском полку.

«...Мудрые предначертания государя Императора, которым я всегда сообразовывался, положили всем тем успехам основание. Но приведение в действо, после всеильной помощи Божией, должен я приписать неутомимому усердию, искусству и попечительности господ корпусных, отрядных, полковых и прочих частных начальников, которые, прилагая труды, тщились исполнять распоряжения и предположения мои...»

Глава вторая

Соломенная вдова

Хуже нет, чем ждать и догонять.

Из Бухареста, города столичного и вполне европейского, князь Петр перебрался в Яссы, место тихое, малонаселенное, провинциальное, зато на полпути между Веной и Санкт-Петербургом. Холодной и ветреной весной 1810 года генерал от инфантерии прогуливался по узким улочкам этого старинного молдавского городка и много размышлял на досуге.

Догонять, то есть преследовать неприятеля, в последние годы ему доводилось нечасто. В самых трудных кампаниях с французами, в 1805 и 1807 годах, Багратион обычно командовал арьергардом, то есть сам отбивался от вражеских войск, преследующих русские полки.

Так он уходил из Австрии после битвы при Аустерлице, из Восточной Пруссии после сражений под Гейльсбергом и под Фридландом. Больших усилий стоили эти отступления. День и ночь в движении, то под снегом, то под дождем, с короткими привалами, почти всегда без горячей пищи. Французы, как одержимые, бросались в атаки. Русские боевым порядком занимали дорогу и отгоняли их прочь, не давая разорять свои обозы, громить поредевшие в боях воинские части.

По сравнению с таковыми солдатскими трудами нынешняя жизнь могла показаться ему прекрасным отдыхом, если бы Петр Иванович знал, какое решение примет государь. Неизвестность томила полководца. Пожалуй, сейчас он поменял бы поход от Гейльсберга до Фридланда и от Фридланда до Тильзита, когда французы две недели не давали ему и глаз сомкнуть, на две недели в Яссах. Поход был легче. Его финал обозначался четко: от врага отобьемся, новую баталию выиграем! Сейчас в отпуске Багратиона никакого ясного окончания не просматривалось. Следовало набраться терпения и ждать.

Он давно изучил все местные достопримечательности. В городе их насчитывалось немного.

Руины с толстыми каменными стенами и остатками двух круглых башен, явно средневековых. Жители почему-то называли их «Господарским домом». Может быть, оно и верно. В незапамятные времена Яссы служили столицей Молдавского княжества, что лежало на слегка всхолмленной долине между реками Прут и Сирет. Правили им господа, сильные и независимые.

Церковь Трех Епархий. Князь Петр регулярно ходил туда к заутрене потому, что храм располагался недалеко от его квартиры. Дивная резьба по камню покрывала его стены, внутри блистал золотом иконостас, медные голоса колоколов слышались даже на окраинах. Богослужение шло на молдавском языке, но это не мешало генералу усердно молиться. Все православные обряды он хорошо знал.

Украшал город собор Святого Николая Чудотворца, построенный господарем Стефаном Великим в конце XV столетия. Стены его потемнели от древности, купола высоко поднимались над малоэтажной городской застройкой. В нем проходили Помазание Божье все правители Молдавского княжества перед вступлением на престол, пока на их земли не вторглись турки и не включили княжество в состав Османской империи, заставив молдаван платить огромные налоги в казну султана.

Мусульман в конце XVIII века прогнали русские. В 1789 и 1790 годах в Яссах находилась штаб-квартира Главнокомандующего нашей Южной армией генерал-фельдмаршала светлейшего князя Потемкина-Таврического.

Старожилы еще помнили, какие праздники и балы задавал здесь великолепный Григорий Александрович. Настоящий золотой дождь пролился на местные базары, магазины, лавки. На улицах стало тесно от роскошных карет и экипажей, армейских фур, конных и пеших патрулей. Хорошие деньги платили хозяевам постояльцы: вельможи, приезжавшие сюда из Петербурга и Москвы, офицеры из штаба Потемкина и полков, расквартированных в Яссах и по их окрестностям.

С тех пор русская речь стала привычна для жителей. Это были в основном молдаване, которые возделывали виноградники, огороды и поля пшеницы, простиравшиеся далеко на северо-восток, к реке Прут. Евреи владели в городе трактирами, магазинами, лавками. Цыгане держали здесь несколько кузниц и торговали на рынке лошадьми. Наши присутствовали по-прежнему, но не в столь значительном числе. В Яссах располагался только пехотный батальон, охранявший тыловые склады Молдавской армии.

Командир батальона майор Пустошкин оказался знаком Петру Ивановичу по прусской кампании 1807 года. Будучи капитаном, он тогда командовал ротой в Павловском гренадерском полку.

Под Фридландом павловцы своими телами прикрыли любимого военачальника от губительного артиллерийского огня. В критическую минуту сражения Багратион сошел с лошади, обнажил шпагу, подаренную ему Суворовым, и сам повел солдат в атаку. Под дождем вражеской картечи рядом с ним шагал рослый, как все гренадеры, капитан Пустошкин.

Но отступить русским все-таки пришлось. Чертовы французы выкатили на прямую наводку 36 орудий и с расстояния в 150 шагов начали молотить по нашим без остановки.

Багратион приказал трем легкокавалерийским полкам подавить эту гигантскую батарею. Всадники бросились вперед, однако столь жестокой стрельбы не выдержали, с полдюроги повернули назад, привели в расстройство собственную пехоту и через город Фридланд ушли за реку Алле.

Такая неудача на глазах всей армии обернулась паникой. «Спасайтесь!» – завопили трусы, которые в успешном бою обычно идут во второй шеренге, за храбрыми.

Капитан Пустошкин под Фридландом был ранен. За доблесть, проявленную там, он получил орден Святого Владимира четвертой степени, чин майора и должность командира батальона, но уже, к его большому сожалению, не в Павловском гренадерском полку.

Теперь вовсе не картечь угрожала генералу от инфантерии, но ожидание, почти безнадежное, изнуряло его душу. Пустошкин и здесь с готовностью подставил плечо своему кумиру. Багратион приходил в штаб-квартиру батальона раз или два в неделю. Майор принимал князя Петра благоговейно, предлагал ему трубку, набитую отличным турецким табаком, рюмку местной мадеры, правда, отвратительного вкуса, и беседу о минувших схватках с Наполеоном.

Командуя арьергардом армии в Восточной Пруссии, Петр Иванович, конечно, не мог доподлинно знать деталей солдатского быта в полках, его начальству вверенных. Пустошкин же, умелый рассказчик, как будто помещал генерала в гущу пехотной колонны.

Вот она, походная жизнь. То в котел с гречневой кашей гренадеры, не имея ни капли масла, бросят сальный свечной огарок и потом с аппетитом съедят варево. То союзники-пруссаки от чистого сердца снабдят служивых сухарями из белого хлеба, а те заплесневеют и сгниют под непрекращающимся дождем в холстяных сухарных сумках. То сапоги и форменные панталоны у рядовых от безостановочного движения изорвутся в клочья, а в жарком июне последует приказ перед государевым смотром: «Надеть шинели!» – ибо они весьма длинны и наготу солдат полами своими прикрывают.

Развлекая бывшего Главнокомандующего всяческой армейской бывальщиной, Пустошкин думал о каком-нибудь интересном сюрпризе для него и однажды додумался.

Когда они закурили свои трубки с турецким табаком, в комнату вошла... женщина. Сперва Багратион удивился: как она попала в расположение гарнизонного батальона? Хотя чему тут удивляться? Где военные мужчины, там обязательно появятся и женщины, но – определенного сорта и занятия.

Длинная красная юбка в крупных зеленых и желтых цветах, розовая блузка и черная шаль на плечах – так выглядела Мариула, цыганка из табора, обитавшего в окрестностях Ясс. По виду князь Петр дал бы ей лет 30. Но цыганки, которых выдают замуж в 12—14 лет, стареют рано. Действительно, в карих ее глазах читалось и детское любопытство, и усталость человека, немало прожившего.

– Мариула умеет гадать, ваше сиятельство, – сообщил майор.

– Я не верю гадалкам, – ответил Багратион.

– Напрасно. Перед Рождеством Христовым она мне предсказала, что жалованье за последнюю треть прошлого года задержат на два месяца. Так оно и вышло.

– Ну, это предсказать нетрудно, – улыбнулся генерал.

– А еще, – не унимался Семен Пустошкин, – история была с поручиком второй роты Белевичем. Ему она нагадала скорую смерть отца и через то – получение наследства. Нынче он в отставке. Уехал к себе в Малороссию. Имея деревню в двести крепостных, можно и не служить...

Цыганка слушала их разговор внимательно. Едва ли она абсолютно все в нем понимала. Но человек в эполетах с густой бахромой, с белым крестом у разреза высокого воротника ей понравился.

– Эй, бриллиантовый мой! – довольно фамильярно обратилась она к генералу от инфантерии. – Коль не веришь, так испытай!

– Что значит «испытай»? – переспросил, недоумевая, Петр Иванович.

В ответ гадалка извлекла откуда-то из складок юбки колоду атласных карт. Затем ловко перетасовала ее, разбросала на столе, сформировав шесть групп по шесть карт. После стала их по очереди брать в руки, рассматривать, точно видела впервые, и рассказывать:

– Ох, сколько важных дел у тебя... Сколько разных людей тебе подвластны... Плохо одно. Тот, кто выше всех, сильно тобой недоволен!

Багратион бросил на нее пристальный взгляд, подумал и сказал:

– Продолжай.

– Вот уж нет, бриллиантовый мой. Сначала позолоти ручку.

Пустошкин, который забыв о своей трубке, смотрел на стол, вздохнул:

– Вот ведь шельма, ваше сиятельство! Она ведь и со мной точно так же поступает...

Князь Петр достал бумажник и положил на ладонь цыганки серебряный рубль-«крестовик». Для нее это был значительный гонорар. Монета мгновенно исчезла в складках юбки, а карты, повинаясь рукам гадалки, продолжили свой хоровод.

– Дорога лежит дальняя, – произнесла Мариула.

– Куда? На север?

– Нет. В горы, в теплые края. Большой город у большой реки.

– Таких городов много, – небрежно заметил генерал.

Цыганка повернула к нему три карты лицевой стороной. В середине находилась дама «пик»: округлое лицо, голубые глаза, черные брови, платье с белой оторочкой, в руке – цветок неизвестного растения.

– Она живет там, бриллиантовый мой. Соломенная вдова. Веришь ли ей? Надеешься ли? Ждешь ли какого важного письма?..

– Хватит! – вдруг резко сказал князь Петр, и гадалка застыла, держа в руке карту с дамой «пик».

Не собирался потомок грузинского царского рода отвечать на вопросы таборной цыганки. Случайности правят миром. Случайной могла быть и ее догадка о княгине Багратион, о письме из Санкт-Петербурга. Но все-таки что-то дрогнуло в его смуглом, как бы окаменевшем лице с гордым орлиным профилем. Мимолетное движение это не ускользнуло от глаз Мариулы. Она заговорила торжествующе:

– То-то, бриллиантовый мой! В верных руках карты не врут... Всю правду узнаешь о ней, красавице писаной. Про путь свой до конца дней... Дай золотой!

– Золота я не держу, – князь Петр вроде бы улыбнулся, достал еще один серебряный рубль и положил его на стол. – Да и правда твоя мне не нужна. Пустые слова говоришь. Запомни, жизнь и счастье солдата – только в руке Божьей!

Вовсе не думал майор Пустошкин сердить бывшего Главкомандующего Молдавской армии цыганскими хитростями. Но получилось, что рассердил. Сумрачно взглянув на него, Багратион отложил недокуренную трубку, встал из-за стола и направился к двери.

Мариула, усмехаясь, завязывала второй серебряный рубль в пестрый носовой платок, чтобы спрятать богатую добычу от хозяина, цыганского барона. Она крикнула Багратиону вслед:

– Письмо жди на той неделе!..

Гадалка ошиблась. Фельдъегерь из столицы приехал лишь в начале мая. Он привез заграничный паспорт для путешествия князя Петра в Австрию.

Вслед за ним появился в Яссах и отставной ротмистр Дорер с известиями вполне благоприятными. Мирно и весело жила прекрасная Вена. Княгиня Екатерина Павловна Багратион пребывала в добром здравии, имела много знакомых в придворном обществе, танцевала на балах в императорском дворце Хофбург. Но дом, снятый ею на Риген-штрассе, княгиня находила слишком тесным и малопригодным для размещения там супруга вместе с его генеральской свитой.

– Что за дом? – спросил Петр Иванович. – Ты в нем бывал?

– Так точно, ваше сиятельство! – доложил отставной ротмистр. – Преизрядный особняк в два этажа, с просторной гостиной на семь окон, каковая легко преобразуется в бальную залу. Очень любит ее сиятельство вечера с танцами и музыкой. Струнный квартет из венской оперы часто к себе приглашает.

– Ладно. Может быть, станцуем еще, – пробормотал бывший Главкомандующий.

Ведь совершенно безосновательно ссылалась Екатерина Павловна на сопровождающих ее супруга людей. Окружать себя служителями разного рода, подобно многим вельможам того времени, князь Петр не любил и всегда жил скромно, особенно – в походе. Однако положение обязывало.

Согласно Павловскому Уставу 1797 года доселе действующему в Российской армии, статус генерала от инфантерии был высок. Ему полагалось иметь двух солдат с ружьями у ноги перед дверьми квартиры, от трех до пяти адъютантов, ординарцев в унтер-офицерском чине, денщиков. В обозе армии разрешалось держать карету, запряженную цугом, то есть три пары лошадей одна за другой с форейтором на первой лошади, четырехколесную крытую фуру с тремя лошадьми, три двухколесных пароконных повозки и двенадцать вьючных лошадей. Число верховых лошадей при этом не ограничивалось.

Покинув пост Главкомандующего, Багратион из пяти прежних адъютантов взял в Яссы только одного – поручика Курляндского драгунского полка Древича, весьма расторопного молодого человека, отлично владеющего немецким и французским языком. С ним Петр Иванович, европейских языков хорошо не знавший, намеревался ехать в Вену.

Дорера князь решил с собой не брать из соображений экономии и, щедро вознаградив за службу, отправил восвояси. Но другие были ему необходимы: камердинер Иосиф Гави, два повара, два нанятых лакея, отвечавших за посуду, скатерти, салфетки и сервировку стола.

Два денщика, приглядывавших за гардеробом генерала, его личным оружием и тремя его породистыми строевыми скакунами. Пять крепостных, кои занимались другими лошадьми – упряжными, содержали в порядке экипаж и повозки. Четыре кучера и форейтор – ветеран из Софийского карабинерного полка, прошедший с майором Багратионом всю польскую кампанию в 1794 году.

По словам Дорера, снять в Вене дом или один этаж в доме, отдельную квартиру от трех до восьми комнат с кухней и кладовкой, местом в каретном сарае и на конюшне никакого труда не составляло. Дисциплинированный немец даже передал генералу от инфантерии список домохозяев, с которыми он уже провел переговоры о найме жилья. Цены, конечно, были у всех разные, но в целом – достаточно высокие. Особенно он рекомендовал генералу гостиницу «Der Aherm Blatt», расположенную в центре столицы.

Пришлось Багратиону критически осмотреть свой обоз. Карета ему необходима, однако ограничиться можно запряжкой из двух пар лошадей. Не нужны и три строевые лошади. Не на войну, чай, собрался он, где верховые лошади военачальников часто гибнут от прицельного огня вражеской пехоты, а в отпуск. Пусть останется один Вьюнок, его любимец, четырехлетний жеребец арабской породы, белоснежный красавец ростом 160 см в холке. Седло с парадным генеральским чепраком из черного медвежьего меха и серебряными андреевскими звездами по углам смотрится на нем особенно эффектно.

Меньше транспортных средств и лошадей – меньше слуг, ухаживающих за ними. Трех из пяти своих крепостных князь Петр отправил в деревню, уволил одного из лакеев. Фуру, повозку, лишних упряжных и верховых лошадей, половину столового сервиза, два ковра он продал в Яссах. Денег выручил меньше, чем рассчитывал, ибо торопился и хотел двинуться в путь не позднее 11 мая 1810 года.

С деньгами у Багратиона обычно так и бывало. В великую силу золотого тельца он не верил, на царской службе за прибытком никогда не гонялся и ничего не копил, отказывая себе во всем, а наоборот – щедро, порой расточительно тратил. Водку и шампанское не пил, в карты не играл, содержанок из актрис и балерин не имел, однако монеты утекали у него из рук, как вода меж пальцев. Цыганка Мариула, послушай он ее дальше, наверное, поведала бы генералу, что деньги, которые он как человек, воочию видевший смерть, презирает, таким затайливым образом мстят ему за неуважение к себе.

Глупости! Князь Петр рассмеялся бы ей в лицо. Просто он находил им более удачное применение. Снимал фешенебельные квартиры в Санкт-Петербурге и Москве, задавал там по-царски роскошные пиры для друзей и однополчан, много помогал увечным и бедным. Затем, став шефом лейб-гвардии Егерского батальона, Петр Иванович быстро довел воинскую часть до блестящего состояния, что потребовало немалых личных трат от него на самое лучшее сукно, на кожу, на мастеров, умеющих прекрасно делать треугольные фетровые шляпы, шить сапоги, рубашки, форменные камзолы и кафтаны.

Император Павел Первый, высоко ценя такое усердие к службе, приказал в апреле 1800 года принять в казну прежде пожалованные Багратиону за боевые подвиги две деревни в Подольской губернии, где проживало 329 крепостных крестьян. Взамен самодержец подарил генерал-майору деревню в Литовской губернии с населением примерно в пятьсот душ.

С той же целью монарх способствовал женитьбе князя Петра на Екатерине Скавронской, полагая, что родня даст за девушкой большое приданое. Намерение благое. Однако все, к чему прикасался безумный сын мудрой царицы Екатерины Алексеевны, почему-то выходило шиворот-навыворот. Так получилось и со свадьбой доблестного генерал-майора в императорском дворце в Гатчине.

Теперь вспоминая события десятилетней давности, Багратион считал, что вопрос о приданом Екатерины Павловны стал камнем преткновения в его отношениях с юной супругой. Родственники жены, люди весьма и весьма влиятельные, сыграли прямо-таки злове-

щую роль во всем этом. Деньги и только деньги, будь они прокляты, помешали князю Петру создать союз двух любящих сердец, скрепленный клятвой пред ликом Господа нашего Иисуса Христа...

...Под руководством барина, не упускавшего из вида ни одной мелочи, слуги разложили багаж по повозкам и походным выюкам на лошадях за полдня. Как и рассчитывал, Петр Иванович покинул Яссы именно 11 мая.

Он выбрал не южный маршрут через Фокшаны, Бухарест, Крайову, Видин и другие придунайские города, где снова разворачивались боевые действия Русско-турецкой войны, а поехал по северным дорогам. Пролегая по горным долинам и перевалам Карпат, они особым благоустройством не отличались. Но человеку, перешедшему со своим егерским полком через Альпы, не страшны отвесные скалы и крутые склоны гор с бурными реками. Не пугают его и ночевки в буковинских или венгерских деревушках, затерянных в дремучих непроходимых лесах.

Через четыре дня Багратион уже находился в Будапеште, и здесь дал отдых людям и лошадям. Столица Венгрии ему не понравилась: пыльный, скучный, неудобный город. Но отсюда до Вены вел превосходный тракт с оживленным движением, ровный, прямой, широкий, кое-где даже вымощенный камнем.

Лошади, почувствовав под копытами твердую опору, пошли веселее. За окнами кареты замелькали европейские пейзажи: аккуратные домики под черепичными крышами, поля, разделенные изгородями, точно проведенными по линейке, яблоневые сады в цвету. На почтовых станциях князь Петр выходил прогуляться, и теплый весенний воздух пьянил его, навевая приятные воспоминания.

Чаще всего перед его мысленным взором представала обворожительная Екатерина Павловна. Пусть они и не виделись пять лет, но генерал представлял ее такой, как шла она с ним под венец. В платье, покроем которого при дворе называли «русским»; с бриллиантовыми заколками в прическе, одолженными ей для торжественной церемонии самой императрицей Марией Федоровной; с изящным букетиком маленьких белых орхидей в левой руке.

Что бы там ни болтали сплетники о слишком вольном поведении великосветских красавиц в Санкт-Петербурге, но фрейлина Двора Его Императорского Величества графиня Екатерина Скавронская была девственницей. В этом Петр Иванович убедился в первую их брачную ночь. Застонав от боли, она покорно отдалась ему и исполнила все его желания. В полной мере смог насладиться князь ее прекрасным телом с невероятно белой, сияющей в полумраке спальни кожей, с небольшой упругой грудью, с тонкой талией, с длинными, узкими в щиколотках ногами.

Большого опыта в обращении с женщинами Багратион не имел. Победы над слабым полом его не прельщали. Ведь он знал победы иные, величественные, захватывающие дух! Потому в постели его солдатские ласки были коротки и грубоваты. Однако юной Катеньке не с чем было их сравнить. Она принимала их как должное и в минуты близости лишь кротко улыбалась супругу. Так они и зажили душа в душу.

Через несколько месяцев выяснилось, что ничего у них не получается с зачатием наследника. На ком тут лежала вина, неизвестно, но увлеченные вихрем столичных удовольствий молодожены старались не придавать этому обстоятельству большого значения. Тем более перед ними уже вставали трудности другого рода.

Жалованья генерал-майора и шефа лейб-гвардии Егерского батальона – 2280 рублей в год – никак не могло хватить на богатую и разнообразную жизнь, к которой пристрастна была Екатерина Павловна. Пятьсот крепостных в Литовской губернии, даже работая день и ночь, никогда не добыли бы и половины суммы, уходившей на ее привычки. На новые платья, модные ювелирные украшения, лошадей и экипажи, на визиты француза-парикмахера,

на званые вечера, с танцами под оркестр и ужином, где гостям подавали шампанское ценой не менее двух рублей за бутылку...

Может быть, рачительное ведение домашнего хозяйства и помогло бы супругам, но княгиня решительно не хотела заниматься столь прозаическим предметом. А князь, влюбленный в нее без памяти, потворствовал всем прихотям и капризам юной красавицы-жены. Итог для него вышел печальный. В конце 1801 года Багратион обратился в государственное казначейство с просьбой принять в казну его литовскую деревню и признал, что на нем лежит 28 тысяч рублей казенного долга и 52 тысячи рублей партикулярного долга.

Император Александр Первый пошел навстречу полководцу. Деревню взяли в казну, назначив за нее предельно высокую цену. Из этих средств погасили казенный долг и выдали на руки генерал-майору около сорока тысяч рублей. Эти деньги очаровательная Екатерина Павловна истратила за полтора года. Дальше события пошли по давно проторенному пути: новые долги, кредиторы, проценты по ссудам и даже судебное дело. Петербургский купец Дефарж в конце 1804 года подал иск с требованием взыскать с Петра Ивановича более трех тысяч рублей ассигнациями, взятых у него под расписку и на два месяца.

Однако вовсе не являлась Екатерина Скавронская несчастной бесприданницей, вынужденной существовать на средства мужа. В незамысловатом спектакле о бедном отважном герое и противостоящих ему бездельниках-аристократах на сцену вдруг вышел ее отчим – обер-шенк и гофмейстер² Двора Его Императорского Величества граф Юлий Помпеевич Литта.

По происхождению итальянец, опытный и ловкий делец, он еще в 1798 году стал мужем безутешной вдовы, матери Екатерины Павловны, тоже Екатерины, но – Васильевны, урожденной Энгельгардт, то есть племянницы светлейшего князя Потемкина-Таврического, обладавшей весьма значительным состоянием. Граф Литта быстро подчинил своему влиянию недалекую и безвольную Екатерину Васильевну и стал прибирать к рукам обширные поместья жены.

Постепенно он добрался и до приданого ее старшей дочери. Ему не стоило большого труда доказать, будто князь Багратион – никудышный помещик и правильно вести дела не может. Над приданным княгини Багратион учредили опеку. Опекуном же стал друг-приятель итальянца, князь Куракин. Таким образом Петру Ивановичу для обеспечения семейной жизни воспретили пользоваться деньгами его собственной супруги.

При дворе молодого царя Александра Первого Багратион не чувствовал себя защищенным от интриг и происков недоброжелателей, как это было во времена его отца, покойного ныне Павла Петровича. Не стал генерал спорить с обер-шенком и гофмейстером ни в суде, ни в императорском дворце, ни публично, в салонах петербургской знати. Горько жаловался на несправедливость только самым близким друзьям и защищал Екатерину Павловну.

«Жена моя не такая дура, чтоб не чувствовать огорчения, – писал он княгине Долгоруковой из Молдавской армии в сентябре 1809 года. – Во-первых, она ограблена графом Литтою, разлучена по его милости с матерью до такой степени, что и невозможно того желать. Пока она жила со мною, бедная, не имея ни минуты жизни спокойной; одну сестру уморили³, она оною грустью стала болеть, выехала за границу... Что же ей делать? Матушка ее – придворная особа, ей всякий помогает, ей все верят, и ему, Литте, а мне – никто, и все против меня, и каким же образом ей и мне иметь спокойную жизнь...»

...Прекрасная, широко раскинувшаяся на правом берегу Дуная Вена открылась русским путешественникам, когда они миновали селения Эсслинген и Асперн.

² Гофмейстер – управляющий всем дворцовым хозяйством.

³ Речь идет о Марии Павловне, младшей сестре княгини Багратион, действительно умершей рано.

Последняя деревня являла собою грустное зрелище: разбитые ядрами дома, сожженные сады, вытопанные поля.

Ровно год назад здесь произошло жестокое и упорное сражение, в котором австрийцы остановили армию Наполеона, рвущегося к их древней столице. Но затем они проиграли французам битву при Ваграме, и Корсиканец все-таки вошел в Вену. Он продиктовал побежденным унижительные условия мирного договора. По нему Австрия лишилась нескольких провинций, обязуясь выплатить захватчикам контрибуцию в 85 миллионов франков и не иметь вооруженных сил численностью более чем 150 тысяч человек.

Разговор на городской заставе получился неожиданно долгим. Его вел на немецком языке поручик Древич с армейским патрулем, состоявшим из солдат Первого венского гарнизонного полка, в белых куртках с голубыми воротниками и обшлагами. На головах патрульных высились черные кивера. Командовал ими сержант.

– Как фамилия этого господина? – сержант с трудом разбирал записи в заграничных паспортах, сделанные латинскими буквами.

– Багратион, – ответил Древич.

– Очень похоже на фамилию «Наполеон». Он – тоже житель острова Корсика?

– Нет. Он родом из России.

– Следовательно, русский?

– Да, как и мы все, сопровождающие его.

– А вы воевали с Наполеоном? – бдительный австриец посмотрел на Древича внимательно.

– Да. Некоторые из нас воевали, – подтвердил поручик Курляндского драгунского полка.

– Где? Вместе с нами под Аустерлицем?

– Именно так. Господин Багратион командовал там большим отрядом конницы и пехоты.

– Но почему, почему вы тогда отступили? – в горьком сожалении сержант покачал головой. – Если бы вы не отступили, этому мерзавцу пришел бы конец!

– Не уверен, сержант, – поручик виновато ему улыбнулся. – Силы были неравны.

– Все это лишь оправдания, – сержант отдал Древичу бумаги и махнул рукой. – Прозжайте. Веселого времяпрепровождения в нашей замечательной Вене!..

Князь Петр прежде бывал в столице Австрии, и первый раз – с Суворовым, осенью 1798 года, когда Россия выступила союзницей Священной Римской империи в войне с французами за Италию. В то время главный город династии Габсбургов показался командиру 7-го Егерского полка полковнику Багратиону похожим на модницу-кокетку, оживленную, шумную, тщательно следящую за щегольским своим нарядом: чистые, вымощенные камнем улицы, ровно подстриженные платаны на них, множество кофеен, кондитерских, ресторанов с яркими вывесками. Великолепные имперские строения: дворец государя Хофбург, рядом с ним – здание школы верховой езды, арсенал, оперный театр.

Они поехали по городу и вскоре увидели, что Вена стала не такой уж и замечательной. Добравшись до красивейшей площади Грабен, генерал от инфантерии с трудом узнал это место. Обгорелые остовы домов с проваленными крышами, выбитыми дверями и окнами окружали его со всех сторон. Осаждая город в прошлом году, французы вели по нему огонь из тяжелых орудий. Площадь Грабен пострадала больше других. Дома на ней восстанавливали, но очень медленно. Денег в казне катастрофически не хватало: их увозили во Францию, в счет огромной контрибуции, наложенной Наполеоном.

Вообще, все центральные улицы города выглядели как-то мрачно. Многие, раньше украшавшие их роскошные магазины и кофейни, закрылись потому, что жители обеднели и перестали там бывать. Народу на площадях и в парках поубавилось. Бог войны Марс собрал

обычную жатву. Только в бою при Асперне австрийцы потеряли 13 генералов, 772 офицера, 21 500 рядовых солдат. Двухдневная битва у села Ваграм обошлась им еще дороже: свыше двадцати пяти тысяч убитых и раненых.

Нет, не беспечной красавицей с нарумяненными щеками и золотыми перстнями на пальцах ныне представляла перед путешественниками древняя и вечно молодая Вена. Скорее – дамой из благородного семейства, внезапно лишившейся высокого положения и больших доходов, но из последних сил пытающейся сохранить былое достоинство и внешний вид.

Правда, невзгоды, выпавшие на долю Австрии в противоборстве с новым завоевателем Европы, мало затронули фешенебельный район дворцов и особняков, принадлежавших аристократам, крупным государственным чиновникам и очень богатым коммерсантам. Эти из любой народной беды умели извлечь максимальную пользу для себя.

Двухэтажный дом, арендуемый княгиней Багратион, находился там, поблизости от одного из дунайских островов под названием Пратер. Излюбленное место для гуляний горожан, Пратер имел парк со столетними деревьями, фонтаны, бассейны, песчаные дорожки и каменные беседки, построенные в античном стиле. Наверное, война с ее огненным дыханием ощущалась здесь не сильнее, чем землетрясение на каком-нибудь чужом континенте вроде Африки или Австралии.

Поначалу Петр Иванович намеревался поселиться неподалеку от своей жены. Он твердо знал правила осады крепостей. В первую очередь надо окружить неприятельскую цитадель военным лагерем, установить в нем орудия для постоянного обстрела, приступить к рытью минных галерей, ведущих под землей к стенам крепости, потом заложить в них пороховые заряды и в час «икс» поджечь бикфордов шнур.

Однако по здравому размышлению генерал от инфантерии отказался от такого плана. Во-первых, постоянных дворов среди дворцов и особняков не имелось. Во-вторых, совершенно непонятно, чего ему ждать от встречи с любимой Екатериной Павловной. Из юной неопытной девушки она давно превратилась в великосветскую львицу. Ей уже двадцать восемь лет. Ее окружают в Вене блестящие кавалеры, точнее – так по-солдатски думал князь Петр – наглые и циничные ловеласы, жизнь которых посвящена только соблазнению чужих жен и бесконечному поиску удовольствий. Не зря же отставной ротмистр Дорер в разговоре особо упирал на связи и могущественные знакомства, сделанные ее сиятельством в придворном венском обществе.

Ах, как бы желал Петр Иванович, чтоб эти рассказы оказались досужей выдумкой глупцов, болтовней завистников, всегда вьющихся, словно мухи, вокруг успешных, умных, красивых людей!..

Из списка, составленного для него Дорером, генерал выбрал небольшую гостиницу «Der Ahorn Blatt». Она располагалась в середине длинной торговой улицы Кольмаркт. По расчетам Багратиона, отсюда он мог доехать до Пратера примерно за полчаса.

В гостинице новых постояльцев приветствовали с несколько преувеличенной радостью. Она почти пустовала, и русский генерал, занявший сразу пять комнат для себя и своей свиты, пришелся кстати. Сам владелец гостиницы господин Вейсгаупт явился к Багратиону осведомиться, доволен ли важный гость апартаментами и расположением своих лошадей на конюшне, закажет ли он обед здесь – что, конечно, предпочтительнее для гостиницы – или хочет поехать в ресторан? Тогда Адам Вейсгаупт мог бы ему порекомендовать заведение своего старинного приятеля, где отлично готовят знаменитые венские шницеля.

В конце концов словоохотливый хозяин «Der Ahorn Blatt» уговорил Петра Ивановича никуда не ездить, а расположиться на отдых, столь необходимый после долгого пути. Через час австриец обещал подать в номер обед из трех блюд с десертом и бутылку мозельского вина десятилетней выдержки: только для него и из специального хозяйского погреба.

Мозельское господина Вейсгаупта и впрямь оказалось недурно. Князь Петр с удовольствием выпил один бокал под легкую закуску. Это скрасило его ожидание. Еще да обеда он отправил адъютанта к Екатерине Павловне с запиской, в коей извещал ее о своем прибытии в Вену. Теперь поручик Древич задерживался, хотя в столице Австрии улицы прямые, площади замощены булыжником, мосты через Дунай хорошо оборудованы.

Появившись ближе к вечеру, молодой офицер объяснил генералу от инфантерии, что, будучи здесь впервые, он заблудился. Глаза Древича при том подозрительно блеснули. Рапортовал он бестолково, но весело. Князь Петру почудился не только запах вина, исходивший от него, но и аромат дамских духов, резкий, с цветочным ароматом. Ничего не скажешь, в Вене по-прежнему оставалось много мест для развлечений.

Между тем княгиня Багратион в ответной записке извещала мужа, что душевно рада его благополучному прибытию в столицу Австрии и ждет его завтра на ужин. Слово «ужин» имело значение гораздо более приятное и обнадеживающее, чем, например, слово «обед» или «чашка чая в четыре часа дня». Ужин мог продлиться и до ночи, а ночь – до утра. Мало ли было у них незабываемых ночей осенью 1800 года в холодном и туманном Санкт-Петербурге?..

Ужин больше подходил завтрашнему расписанию дня генерала от инфантерии. Утром ему следовало посетить российское посольство и представиться послу – графу Густаву-Оттону Штакельбергу. Сколько может продлиться сей обязательный официальный визит, Багратион не знал. Однако готовиться к нему надо было серьезно.

Денщики извлекли из походного сундука парадный мундир шефа лейб-гвардии Егерского полка. Сшитый из дорогого тонкого английского сукна темно-зеленого цвета, с присвоенным ему полку оранжевыми обшлагами, он блистал золотыми и серебряными знаками орденов, заслуженных Петром Ивановичем за более чем двадцатилетнюю службу Отечеству.

Вот он, золотой «Очаковский крест», первый знак его доблести. А вот последний – высшая награда Российской империи орден Святого Андрея Первозванного. Таковое отличие даровал ему государь за недавнюю победу над турками при Рассевате. Имелись и иностранные ордена: австрийский Марии-Терезии второй степени и сардинский Святого Лазаря и Святого Маврикия первого класса. С парадным мундиром также требовалось надевать через правое плечо «андреевскую» широкую голубую муаровую ленту и под мундир на лосиной портупее – наградную шпагу с позолоченным эфесом и выгравированной на нем надписью «За храбрость».

Граф Штакельберг, длинный, тощий и нудный немец, долго объяснял князю Багратиону особенности здешней политической обстановки. Она была достаточно напряженной. Народ ненавидел французских захватчиков. Власть предрержащие, в частности – император Франц Первый и его министр иностранных дел граф Миттерних, всячески пытались заигрывать с ними, добиваясь послаблений в оккупационном режиме, изменений унижительных и разоряющих страну условий мирного договора.

Именно в таком разрезе посол трактовал событие, два месяца назад всколыхнувшее всю Австрию. Дочь императора, восемнадцатилетняя эрцгерцогиня Мария-Луиза, уступив просьбам отца, согласилась выйти замуж за Наполеона Бонапарта. До того Корсиканец сватался к младшим сестрам императора Александра Первого, Екатерине и Анне. Русская августейшая фамилия начала тянуть время, выставляя различные отговорки. Победитель Европы, борец за свободу и демократию этого не любил. Он обратил свой взор на покоренную державу, и там мгновенно исполнили желание повелителя.

Уже 11 марта 1810 года в присутствии всей австрийской императорской семьи, двора, дипломатического корпуса, высших сановников и генералитета в Вене состоялась торжественная брачная церемония. Жених из Парижа не приехал. Его представлял маршал Алек-

сандр Бертье, князь Ваграмский, то есть особо отличившийся в разгроме австрийцев у села Ваграм. Но они уже не обращали внимания на подобные «мелочи»...

– Эта ситуация чревата опасными последствиями для России, – сказал Петр Иванович.

– Согласен с вами, князь, – посол поднял на него блекло-голубые глаза и вяло продолжал. – Несомненно, Наполеон теперь приступит к созданию антирусской коалиции.

– А наши вечные союзники – австрийцы?

– Боюсь, им придется подчиниться грубому диктату.

– Неужели посольство не в силах что-либо предпринять?

– О, я вижу подход сугубо военного человека, – слабо улыбнулся в ответ Густав-Оттон. – Немедленно провести артподготовку, броситься в атаку, обойти неприятеля с фланга!.. Увы, возможности дипломатии не столь велики. Впрочем, ежели вас занимает сей вопрос, можно обсудить его с моим предшественником, графом Разумовским. Он часто бывает у меня в гостях...

«Уж точно не с тобой, чухонец! – подумал о Штакельберге, унылом прибалтийском дворянине, темпераментный потомок грузинских царей. – Что ты тут делаешь, совершенно непонятно. Ведь речь идет о будущей войне. Большой войне против нашей родины...»

Князь Петр встал, поклонился послу и, придерживая шпагу, шагнул к двери. Лакей с готовностью распахнул ее, и на пороге генерал чуть не столкнулся с человеком лет шестидесяти, выглядевшим довольно моложаво, рослым, но несколько грузным, одетым в темно-лиловый фрак. Быстрым и внимательным взглядом он окинул Петра Ивановича с ног до головы и произнес:

– Если не ошибаюсь, князь Багратион?

– Позвольте мне представить вас друг другу, – поспешил на помощь Штакельберг. – Генерал от инфантерии князь Багратион, бывший Главнокомандующий Молдавской армией... Граф Разумовский, бывший посол России в Австрии... Рад, что вы снова встретились здесь!..

Когда-то, примерно лет десять назад, они действительно встречались впервые. Суворов и его доблестные войска после перехода через Альпы останавливались в Вене для отдыха. В императорском дворце Хофбург для них устроили прием, и тогда в группе генералов, сопровождавших великого полководца, Разумовский видел Багратиона, но особого внимания на него не обратил. Очень изнурены трудным походом и недавними схватками с французами были военачальники. Они держались скромно, с чиновниками в беседы не вступали. Кто бы мог подумать, что среди кое-как одетых генерал-майоров находится человек, именем которого осветятся знаковые для России победы. Но всего не предусмотреть, сколько ни старайся. Даже будучи настоящим дипломатом...

В Санкт-Петербурге всегда придавали большое значение должности российского посла в Вене. Все-таки до неудачных столкновений с армией Наполеона существовала Священная Римская империя германской нации, огромная страна в центре Европы, на территории которой проживали разные народы: австрийцы, венгры, чехи, словаки, поляки, бельгийцы, итальянцы. Династия Габсбургов несколько столетий управляла ими.

Наше посольство при пышном дворе Габсбургов возглавляли лучшие представители дипломатического корпуса. Обычно – выходцы из старинной русской аристократии, сами по себе люди талантливые и незаурядные, превосходно образованные, очень богатые. Унылый Густав-Оттон к данной категории не принадлежал. Возможно, он никогда не получил бы этого назначения, если бы в Вене не остался на жительство граф Андрей Кириллович Разумовский, посол России здесь с 1801 по 1806 год.

Вообще-то, Разумовские возвысились не так уж и давно. Олекса Розум, пастух из малороссийского села под Черниговом, пел в церковном хоре, имел красивую внешность и голос высокий, ангельский, не хуже теноров, приглашаемых из Италии. Привезенный в столицу,

пастух получил место уже в хоре придворной церкви и вскоре привлек к себе внимание императрицы Елисаветты, дочери царя Петра.

Жизнь его переменилась. Он стал придворным, обер-егермейстером, генералом, кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, графом Священной Римской империи, владельцем обширных поместий.

Но гетманом Украины в 1750 году Елисаветта Петровна сделала его младшего брата – Кирилла Разумовского. Тот тоже родился в крестьянской хате, в детстве пас коров. Но, будучи взят ко Дворцу Ея Императорского Величества, легко перевоплотился в вельможу.

Год Кирилл провел в Кенигсбергском университете, еще год – в Страсбургском и завершил образование путешествием по Франции. Вернувшись в Россию, он стал придворным, женился на родственнице царской семьи – Екатерине Нарышкиной. В 1762 году командовал лейб-гвардии Измайловским полком и первым поддержал дворцовый переворот, приведший к власти Екатерину Вторую. Такие услуги монархи не забывают, и состояние Кирилла, без того немалое, удвоилось.

Все одиннадцать детей бывшего пастуха получили прекрасное домашнее образование и воспитание. Наибольшими способностями отличался третий из шести сыновей – Андрей. Его-то отец и отправил в Страсбургский университет доучиваться.

Вернувшись в Россию в 1769 году, Андрей Кириллович поступил на службу на Балтийский флот в чине мичмана. Ему довелось участвовать в морском сражении с турками в Хиосском проливе и бухте Чесма летом 1770 года. За храбрость, проявленную в нем, юный граф Разумовский получил чин лейтенанта, потом – капитан-лейтенанта и должность командира фрегата «Екатерина».

Однако суровая военно-морская служба не пришлась ему по душе. В 1773 году он был зачислен в придворный штат и сделался другом наследника престола – великого князя Павла Петровича.

Кончилась эта дружба плохо. Злые языки утверждали, будто невеселое ее окончание дурно повлияло на репутацию графа Андрея и дальнейшую его карьеру. Разумовский соблазнил юную супругу будущего императора – Павла Первого, немецкую принцессу, с переходом в православие принявшую имя Натальи Алексеевны.

Она умерла во время первых родов. Ее бумаги по приказу Екатерины Второй опечатали, и тайна обнаружилась. Молодые люди имели неосторожность обмениваться письмами с пылкими признаниями в любви до гробовой доски. Рассерженная императрица тотчас выслала Андрея Кирилловича из столицы в захолустный прибалтийский город Ревель⁴, потом еще дальше – в имение его отца на Украине.

Однако родственники шалопая, занимавшие видное место при дворе, не уставали за него хлопотать. В конце концов, царица смилостивилась. Она снова приняла Разумовского на государственную службу, но отправила с глаз долой – в Неаполь, полномочным министром и чрезвычайным посланником при дворе короля Фердинанда.

Между тем поручение легкостью не отличалось. Неаполитанское королевство могло бы предоставить базу на Средиземном море для Российского военного флота, столь необходимую в новой войне с Османской империей. Но король принадлежал к династии Бурбонов. Потому французы распоряжались в Неаполе, как у себя дома, и чинили всевозможные препятствия русским, не давая договориться с итальянскими купцами.

Может быть, у Андрея Кирилловича тоже ничего не получилось бы, если б он не понравился... королеве Марии-Каролине из династии Габсбургов. Она взглянула на красивого и обходительного молодого дипломата из далекой северной страны более чем благосклонно, и неаполитано-российский торговый договор был подписан. Якорные стоянки для флота,

⁴ Ревель – современный Таллинн.

упомянутые в нем, обеспечивались питьевой водой, провизией и дровами по согласованной цене.

Добрая матушка-государыня решила, что повеса, наверное, теперь взялся за ум. И перевела его поближе к России: полномочным министром и чрезвычайным посланником в Данию и Швецию.

В Копенгагене, небольшом и тихом городе на севере Европы, Разумовский скучал. Зато в Стокгольме перед графом открылось широкое поле деятельности.

Шведский король Густав Третий в то время готовился к войне с Россией. Его намерения не получали одобрения ни в риксдаге⁵, ни у значительной части дворянского общества. Андрей Кириллович принялся бесцеремонно играть на этих противоречиях, применяя подкуп и ведя придворные интриги с помощью опять-таки женщины – королевы Швеции Софии-Магдалины, которая не осталась равнодушной к его мужской красоте.

Монарх объявил русского посла «персоной нон грата». Разумовский тем нимало не смутился. Он посадил персонал посольства на арендованный купеческий корабль, сам встал к его штурвалу и двинулся вдоль береговой линии от Стокгольма до города Висби, попутно собирая сведения о вражеских укреплениях и шведских войсках, сосредоточенных для вторжения в Санкт–Петербургскую губернию.

Никакой правительственной награды за свою конфиденциальную работу в Швеции граф не получил. Впрочем, Екатерина Вторая таки взяла его на особую заметку. Вскоре она отправила тридцативосьмилетнего дамского угодника и, по ее мнению, весьма циничного человека в русское посольство в Священной Римской империи. Именно в Вене вершилась тогда политика стран Центральной Европы. Полномочным министром и чрезвычайным посланником там служил князь Дмитрий Михайлович Голицын, многоопытный дипломат и, конечно, первоклассный разведчик.

Старик бывал вспыльчив, резок и капризен. Но школу у него Разумовский прошел замечательную. Всего несколько принципов лежало в ее основе. Однако чтобы следовать им, требовалась многолетняя выучка, умение владеть собой при любых обстоятельствах, хладнокровие и осторожность.

Первые два основных принципа формулировались так: «Сеть своих конфиденентов в чужой стране – главное достояние дипломата и его заслуга перед Отечеством»; «Секретные сведения, добытые вовремя – лучшее оружие на переговорах и с союзниками, и с противниками». Далее, в развитие сих постулатов: «Будь поближе к австрийцам. Изучай и перенимай их обычаи, повсюду заводи знакомства»; «Все решают деньги, деньги и только деньги. Но трать казенные средства расчетливо. Отдавай их с искренней улыбкой, со словами сердечного участия»; «Твой открытый дом, охотно посещаемый местными знаменитостями, – вклад в безопасность твоего родного государства».

Огромное состояние, унаследованное Андреем Кирилловичем от отца, и его многогранный характер позволяли воплощать в жизнь заветы наставника почти с абсолютной точностью.

В Вене он давно сделался личностью популярной. Роль фантастически богатого русского барина, щедрого до невероятности, безалаберного и веселого, которую Разумовский умело разыгрывал, тому во многом способствовала. Он владел несколькими дворцами в городе и за его пределами, а также большой коллекцией произведений искусства, много жертвовал на благотворительность, устраивал в своих парках праздники для простого народа и задавал роскошные пиры для знати во дворцах. Венцам импонировала его любовь к музыке. Граф отлично играл на скрипке и на свои средства создал струнный квартет для исполнения сочинений композитора Бетховена.

⁵ Риксдаг – парламент Швеции.

Каждую неделю по средам в гостиной Разумовского собиралось изысканное общество: лица, приближенные к императору Францу Первому, высшие сановники, генералы, знаменитые артисты. Притягивали их туда не только ученые беседы о политике, искусстве и литературе. Настоящей «звездой» этого салона была несравненная княгиня Багратион, своим умом и какой-то необычной северной красотой затмившая всех венских дам...

Теперь Разумовский приятно улыбался генералу от инфантерии. На самом деле никаких теплых чувств к герою сражений он не испытывал. Важному сектору тщательно отстроенной графом системе русской разведки в Австрии князь Петр мог нанести существенный урон. Ведь неизвестно, с какой целью он сейчас прибыл в Вену, чего потребует от законной супруги, как воспримет некоторые здешние обстоятельства.

Петр Иванович смотрел на сына бывшего пастуха достаточно холодно. Конечно, он немного знал историю семьи Разумовских и слышал о некоторых амурных приключениях Андрея Кирилловича. Кроме того, в одном из недавних писем жена упомянула сего человека в связи с венецианским карнавалом, устроенном им в загородном дворце на берегу реки. Там плавали гондолы и лодки с цветными фонариками, гостям раздавали маски, актеры, одетые в стиле итальянской комедии «дель арте» разыгрывали пантомиму прямо на дорожках парка.

Князю Петру меньше всего хотелось бы выступать в роли Пьерро, которому все дают пощечины, или в роли Капитана, хвастливого и глупого воина, над кем без конца подшучивают персонажи комедии. Сферу деятельности графа Штакельберга он определил для себя более или менее верно: это – чисто декоративная фигура. Но кто такой граф Разумовский, четыре года назад отставленный от должности посла, однако являющийся в посольство Российской империи, как к себе домой, генералу предстояло выяснить...

Вернувшись в гостиницу «Der Ahorn Blatt», Багратион снял парадную униформу с орденами, голубой андреевской лентой, наградную шпагу. Совсем не торжественно-официальной он представлял себе встречу с женой. Петру Ивановичу виделось просто и по-домашнему устроенное свидание, где найдется место непринужденным разговорам и о прошлом и о будущем. Его эффектная генеральская одежда стала бы для Екатерины Павловны скорее всего неприятным напоминанием о великосветском Петербурге, откуда она уехала, даже можно сказать, спаслась бегством и куда никак не хотела возвращаться.

В рассуждении сего обстоятельства князь Петр, не очень-то разбираясь в штатской моде, заранее приобрел в Яссах кое-какие вещи. Суконный темно-зеленый двубортный фрак с тремя парами золотых пуговиц ему понравился потому, что цветом напоминал мундир. Жилет из коричневатого полосатого шелка «с искрой» и серые пикейные панталоны, на его взгляд, хорошо гармонировали с фраком. Черные сапоги из тонкой оленьей кожи, спереди вырезанные сердечком и украшенные коричневыми кисточками, просто подошли ему по размеру.

С фраком разрешалось носить награды, и тут Петр Иванович заколебался. То ли надеть австрийский орден Марии-Терезии и тем еще больше сделаться похожим на местного жителя. То ли повесить на шею поверх белого галстука с плиссированным жабо черно-желтую ленту с белым Георгиевским крестом второй степени. Екатерина Павловна не видела у мужа это особо почитаемое в русском обществе отличие, ведь награждение произошло в конце 1805 года.

Суть его превращений сводилась к одному. Багратион мечтал произвести на молодую жену неизгладимое впечатление, причем – с первого взгляда. Он долго стоял перед зеркалом, одетый в этот самый фрак, и критически рассматривал свое отражение.

Камердинер Иосиф Гави ходил вокруг барина с платяной щеткой в руках, снимал пылинки, поправлял то воротник, то фалды и пытался давать советы на ломаном русском:

– Одынь маленький капля одеколон на жабо, *mon general*...

– И так разит цветочной водой! – морщился Петр Иванович.

– О, ви не знайт женьшин. Оньи ллюбят запахи. Как кошки...

– Что ты несешь!

– Кляньюсь Пресвятой Девой Мьарией! Да, mon general! Приятный запах заставляйт их зьябыть про все...

Едва ли Екатерина Павловна относилась к женщинам, способным забыть про все. Но она тоже готовилась к ужину с законным супругом и не без волнения. Ее успел посетить граф Разумовский, который рассказал о краткой встрече с генералом от инфантерии в российском посольстве. Его отзыв лестными эпитетами не отличался: очень хитер, упрям, будет добиваться своей цели. Впрочем, княгиня Багратион прожила с потомком грузинских царей пять лет, и представление о его характере имела. Не мог он сильно измениться за последние годы.

Князь Петр приехал на Риген-штрассе, 22 в наемном экипаже и без адъютанта. При взгляде на дом, арендуемый его женой, ему не показалось, будто она испытывает какие-либо денежные затруднения. Безусловно, в Вене он видал владения и гораздо роскошнее, но и здесь нужда да бедность даже не ночевали.

Двухэтажный особняк под железной крышей имел своеобразную архитектуру. Первый этаж был высок, второй – гораздо ниже. Облицовка серым гранитом. Ограда из цепей с шарами. Кованые фигурные решетки на окнах первого этажа. Подъезд с колоннадой и полированная дубовая дверь с бронзовым литьем украшали здание, мало чем отличавшееся от соседних владений.

Тростью с серебряным набалдашником в виде головы льва он постучал в дубовые доски. Ему открыли не сразу. Здоровенный привратник в ливрее пропустил князя в прихожую, взял у него визитную карточку на немецком языке и удалился.

Петр Иванович, держа в руках черный фетровый цилиндр, начал спокойно оглядываться.

Прихожая была просторной, обставленной мебелью без особых претензий. Наверх вела лестница с алебастровыми перилами, покрытая бордовой ковровой дорожкой. Над лестницей висел большой овальный портрет господина в напудренном парике. Багратион, конечно, его узнал.

Граф Павел Мартынович Скавронский, отец супруги, до их бракосочетания не дожил, поскольку лета имел преклонные да и странностей немало. Одной из них являлась любовь к итальянской музыке. Граф мнил себя великим композитором, без конца сочинял оратории и кантаты. Он отдавал приказания слугам, распевая их под оркестр. Тем следовало отвечать речитативом, составляя дуэты, трио, квартеты. Слава богу, генерал уже не застал этого изощренного умопомешательства...

Очень мило было со стороны Екатерины Павловны первой выйти навстречу мужу. Она спускалась по лестнице, улыбалась ему и протягивала руки с ласковыми словами:

– Мой дорогой! Как я рада вас видеть!

В мгновение ока, словно молодой орел, князь Петр взлетел вверх по ступеням, осыпал поцелуями протянутую ему руку, затем слегка приобнял супругу за талию и коснулся губами ее белоснежной округлой щечки. Совсем по-семейному Екатерина Павловна прислонилась плечом к груди мужа, нежно провела ладонью по его щеке и сказала:

– Вы совсем не изменились, друг мой...

Что подавали на ужин, Петр Иванович не запомнил. Их разговор, очень оживленный, как в старые добрые времена, перетекал от одной темы к другой легко и естественно: санкт-петербургские новости, его война с османами на Дунае, придворные венские сплетни, происки французов. Иногда красавица бросала взгляд на новый золотой перстень с крупным бриллиантом, который перед ужином надел на ее палец Багратион. Подарок мужа Екатерине Павловне очень понравился.

В десятом часу вечера подали десерт: типичный австрийский «гугельхупр» – высокий, словно гора, ванильно-ромовый пирог, обсыпанный сахарной пудрой. Широким кондитерским ножом Екатерина Павловна отделила изрядный кусок от пирога и на тарелке подала мужу.

– Ах нет, ангел мой! Больше не могу, – взмолился генерал от инфантерии. – Вы знаете, я не привередлив в пище.

– Кухарка старалась, – княгиня смотрела на него с улыбкой.

– Передайте ей от меня золотой дукат и просьбу прикончить «гугельхупр» вместе с ее супругом и детьми. Право, сие пойдет им на пользу.

– Ну а если один кусочек, друг мой, – Екатерина Павловна встала со своего места, обошла вокруг стола, ложкой отломил от мягкого и пышного теста с изюмом незначительную часть и склонилась к князю Петру так, что в декольте ее платья обрисовались прелестные груди.

– Это легко, генерал, – вкрадчиво сказала она. – Ам – и пирога уже нет.

Тут терпению Петра Ивановича пришел конец. Он отодвинул тарелку, вскочил на ноги, схватил супругу за плечи и, приблизив ее лицо к своему, произнес целую речь, страстную и громкую:

– При чем здесь пирог, Катиш!.. Ради бога, бросьте ваши игры! Давайте поговорим о самом главном... О том, ради чего я приехал в Вену. Вспомните, я звал вас в Россию много раз, даже присылал сюда для переговоров моего двоюродного брата. Я обещал уладить дела с вашим приданым и договориться с вашими своекорыстными родственниками. Ни разу вы не дали мне определенного ответа... Да, моя жизнь далека от привычного вам комфорта. Так ведь я – слуга государев. Сегодня – поход, завтра – война, послезавтра – маневры. И есть немало русских женщин, которые готовы делить с мужьями их трудный путь... Какой путь выбрали вы? Почему ваши решения всегда доставляют мне сердечную боль и мучают меня, как ничто другое на свете?!

– Дурачок, – тихо ответила ему княгиня. – Просто ты безумно любишь меня. А я безумно люблю тебя. Вот и все.

Она обвила шею супруга руками, прижалась губами к его губам.

Невольно пришлось генералу обхватить ее покрепче, потому что тело Екатерины Павловны, гибкое, тонкое, почти восковое, тесно прильнуло к нему, и через фрак, расстегнутый спереди, через жилет и пикейные панталоны он уже ощущал все его восхитительные изгибы. Но все-таки это была не сама Екатерина Павловна в волшебном своем естестве, а только ее одежда: белье из батиста, поверх него – длинное зеленоватое платье с темно-зеленым муаровым пояском, согласно моде повязанным высоко под грудью.

Так они и стояли, обнимая друг друга, пока не раздался голос горничной – француженки Надин Дамьен, женщины многоопытной, никогда и ничем не смущающейся.

– Madame, – сказала она. – Votre bain est prepare.

– L' eau est chaude?

– Oui, madame. Tres chaude.

– A mon grand regret mon cher mari maintenant me rend rarement visite, – сочла нужным сообщить служанке княгиня. – Mais cela n'est rien! Le bain est necessaire pour mon mari aussi. En ce moment.

– Vraiment? – горничная с интересом посмотрела на Багратиона. – Je vous ecoute, madame ...⁶

⁶ – Госпожа, ваша ванна приготовлена. – Вода горячая? – Да, госпожа. Очень. – К моему великому сожалению, мой дорогой муж теперь – редкий гость у меня... Но это – пустяки. Ванна нужна ему тоже. В настоящий момент. – Действительно?.. Слушаюсь, госпожа (фр.).

Как новобрачным, Надин постелила им совершенно новое белье, загодя купленное в дорогом магазине Соломона Вольфсона на центральной площади Вены возле собора Святого Стефана. Накрахмаленные простыни похрустывали, точно льдинки на первом морозе. Толстое одеяло, упрятанное в полотняный чехол, походило на полярного медведя, белого, неповоротливого, огромного.

Екатерина Павловна ждала мужа, надев ночную сорочку с валансьенскими кружевами на воротнике, рукавах и подоле. Он пришел из ванной комнаты, и вскоре стало ясно, что сорочка им только мешает. Стянув ее через голову, нагая княгиня упала на подушки рядом с князем и сказала:

– Ну теперь признавайся, милый... Давно ли ты лежал рядом с обнаженной женщиной?

Жаркое ее дыхание касалось его щеки, глаза смотрели пристально, солгать было положительно невозможно.

– Давно, – сказал генерал чуть охрипшим голосом.

Белая кожа жены, сразившая Багратиона еще в первую их брачную ночь, всегда вызвала у него бешеное желание. Но тогда он умерял свои чувства потому, что боялся причинить ей боль, напугать и тем отвлечь от супружеской жизни.

Юная графиня Скавронская и впрямь ужасно стеснялась мужа. Однако ее скромность и неопытность он ценил гораздо выше золота и серебра, обещанного в приданое за ней. Тонкая, не слишком рослая, но абсолютно правильно сложенная девичья фигурка, лишенная развитых женских форм, хранила в себе некую тайну и обещала терпеливому супругу неземные наслаждения в будущем.

Долго же пришлось ему ждать! За пять лет, прошедших со дня их разлуки, он почти перестал надеяться увидеть ее в постели снова. Но Господь Бог услышал его смиренные мольбы, и сейчас в объятиях Багратиона лежала чувственная, уверенная в силе своих чар очень красивая женщина. Ее бедра, чуть поноватые, покорно раздвинулись ему навстречу. Живот, округлый и мягкий, выступал над треугольником черных волос. Как белоснежные холмики, словно бы наметенные январской метелью, широкие у основания и сужающиеся к вершинам, упирались в его ладони прелестные груди, и соски на них твердели. Он нежно коснулся их губами. Вдруг тонкая, мутноватая капелька без вкуса и запаха отделилась от коричневатого бугорка и растаяла у него в углу рта.

Князь Петр удивился, но потом даже не вспомнил об этом, отдавшись порыву страсти. Как живо откликнулась на его движения супруга! Как трепетало ее тело от его горячих ласк! Как громко она просила его продолжать, продолжать...

Екатерина Павловна была беременна. Шел пятый месяц срока. Токсикоз давно закончился. Лишь молозиво – предвестник будущего кормления младенца – иногда выступало на сосках. В остальном она чувствовала себя превосходно, жаждала плотской любви и старалась поменьше думать о человеке, который признавал себя отцом этого ребенка.

Министр иностранных дел Австрии граф Клеменс-Венцеслав-Лотар Миттерних, сердечно попрощавшись с ней, в конце марта сего года уехал в Париж. Ему пришлось следовать за эрцгерцогиней Марией-Луизой, ставшей супругой Наполеона Бонапарта. Он надеялся изменить условия кабального для его страны мирного договора с Францией. Если голубоглазая восемнадцатилетняя представительница династии Габсбургов обольстит победителя Европы и понравится ему как женщина, то сделать изменения будет легко.

Клеменс Миттерних подробно рассказал о таковых планах княгине Багратион и объяснил, что его командировка может растянуться месяца на два-три. Но он будет регулярно писать, будет думать о них постоянно. И пусть Екатерина Павловна так же регулярно сообщает ему обо всем. Его волнует состояние ее здоровья и судьба малыша. Здесь останутся люди, которые позаботятся о ней, как о своей родственнице. Министр поручит им это и строго спросит с них по возвращении в Вену.

Без сомнения, тридцатисемилетний граф Миттерних, потомственный дипломат, учившийся в Страсбургском и Майнцском университетах, был очень приятным кавалером, обладавая красивой внешностью, элегантными манерами, умом тонким, пытливым, изворотливым. Умелый и опытный любовник, он выступил учителем княгини Багратион в постели и сумел доставить ей много прекрасных минут.

Не меньше пользы граф принес и нашей внешней разведке. После бурных приступов любовной страсти его тянуло рассказывать ослепительной русской красавице обо всем, что происходит в Министерстве иностранных дел. Кроме того, он изощрялся в островах, давая точные, правдивые, хотя порой и циничные характеристики различным деятелям и разнообразным международным событиям, делился собственными замыслами новых внешнеполитических интриг.

Его отъезд в Париж Екатерина Павловна долго обсуждала с графом Разумовским. Потеря столь ценного, можно сказать, незаменимого осведомителя их огорчала. Но не только. Андрею Кирилловичу виделся в этом длительном вояже Миттерниха поворот всего государства Габсбургов от одного приоритета к другому, от восточной политики, то есть от сотрудничества с Россией, к политике западной, то есть к сотрудничеству с могущественной Францией и ее нынешними сателлитами. Последнее не могло не настораживать русских. Ведь Наполеон – настоящий агрессор. Куда теперь он направит свою победоносную армию?..

Глава третья Французы в Вене

Окна спальни в особняке, арендуемом княгиней Багратион, выходили прямо на восток, потому яркое майское солнце осветило их довольно рано. Утренние его лучи пробились сквозь неплотно задвинутые шторы и легли длинными бликами на ковер возле кровати. Затем они протянулись и на кровать, достали до одеяла и наконец блеснули генералу в глаза.

Впрочем, он сам давно проснулся. За долгие годы военной службы у него выработалась привычка вставать вместе с нижними чинами вверенного ему подразделения по сигналу барабана и трубы. Побудку же в Российской императорской армии играли зимой в шесть часов утра, летом – в пять часов утра. Потом следовал завтрак: краюха хлеба с кружкой горячего чая, иногда – с медом. Но бывало, на завтрак артельщики варили и борщ на бульоне из бычьих хвостов.

Теперь князь Петр, подперев голову рукой, смотрел на спящую жену и вспоминал события минувшей ночи. О, это была совершенно изумительная ночь! В ней безраздельно царствовала божественная Екатерина Павловна. Он только исполнял ее прихоти и наслаждался, будучи приближен к лону королевы, как верный рыцарь Прекрасной Дамы, сполна вознагражденный ею за подвиги в Крестовом походе, где преодолел тысячи верст по безводной пустыне и сражался с коварными сарацинами.

Темно-каштановые волосы красавицы рассыпались по подушке. Думая о прохладных майских ночах, она под конец их любовных упражнений благоразумно надела ночную сорочку. Кружевной воротник, широко распахнутый, сейчас обнажал высокую, необыкновенно белую шею и часть плеча, на коем ближе к ключице темнело пятнышко. Это он, совсем потеряв голову от страсти, оставил ей след от поцелуя. Нехорошо, ваше превосходительство! Ведь вы находились в постели с женщиной, состоящей с вами в законном браке, освещенном нашей матерью святой церковью. К чему такие крайности?..

Склонившись над женой, Багратион осторожно прикрыл ладонью пятнышко на ее ключице. Но, видимо, тяжела, груба, шершава оказалась рука бывшего воина. Екатерина Павловна открыла глаза и улыбнулась:

– Доброе утро, милый! Как вы почивали в моей спальне?

– Отлично, ангел мой!

– Я не утомила вас?

– Нисколько! – князь Петр нежно поцеловал ее в щечку. – Готов служить вашему сиятельству с прежним пылом.

– Ах вы, шалунишка! – княгиня шутливо погрозила ему пальцем. – Иногда следовало бы и остановиться!

– Как прикажете, ангел мой...

Их завтрак походил на идиллию в добропорядочном семействе русских помещиков. Стол, накрытый льняной скатертью с красно-желто-белым узором, под цвет к ней – салфетки. Лакей в ливрее, подающий кофейник с горячим напитком. Почтенный супруг в атласном турецком халате (и откуда только взялась в доме Екатерины Павловны подобная вещь!). Очаровательная молодая супруга, позволившая себе выйти к столу с прической и макияжем, но – в роскошном кружевном пеньюаре, сквозь который кое-где просвечивало тело. Всё так мило, так непринужденно, так по-домашнему!

Для полноты картины генерал от инфантерии мог бы просматривать венскую газету. Кстати говоря, ее подали к столу вместе с кофе и сдобными булочками. Но Петр Иванович, знавший немецкий язык недостаточно, лишь прочитал заголовки.

Жаль, что в училище для детей штаб- и обер-офицеров в Кизляре он проучился только год. Там немецкий язык преподавал герр Хюбнер, веселый, общительный человек. Правила немецкой грамматики юный князь Багратион усвоил, но со словарным запасом дела у него обстояли неважно, хотя по мере возможности он его пополнял, правда, в основном – военными терминами.

Екатерина Павловна, взяв газету у генерала, кое-что быстро перевела супругу. В частности, сообщение о его прибытии в столицу Австрии. Стало быть, князю следовало в ближайшее время нанести визит военному министру эрцгерцогу Карлу-Людвигу-Иоганну, принадлежавшему к династии Габсбургов.

Затем надо дождаться приглашения во дворец Хофбург и прибыть туда вместе с женой на аудиенцию к императору Францу Первому. Аудиенция – неизбежна, поскольку Петр Иванович является кавалером ордена Марии-Терезии второй степени, награды высокой и почетной. Исходя из дипломатического этикета, правитель страны просто обязан оказать русскому полководцу таковое внимание.

Тратить время на помпезные официальные встречи Багратиону не хотелось. Он приехал в Вену с другой целью: разобраться в собственных семейных делах. Ночь с прелестной Катиш обнадеживала, но день, похоже, сводил «на нет» его достижения. Княгиня смотрела на мужа ласково и от прямого ответа об их совместном возвращении в Россию хитро уклонялась.

Бесконечно удивляясь, генерал обнаруживал в Екатерине Павловне все новые и новые качества. Прежний юношеский ее максимализм и непримиримость к людским недостаткам уступили место здравым суждениям о природе вещей. Княгиня как будто видела подоплеку явлений и не заблуждалась относительно причин, их породивших. Она так умело вела беседу за чашкой кофе, что он ни разу не сумел поймать супругу на противоречии, упрекнуть в упрямстве, заставить согласиться с его умозаключениями.

В то же время Петра Ивановича не покидало ощущение какого-то удивительного, вновь возникшего единения с этой молодой женщиной, легко подарившей ему ночь любви. Он нисколько не сомневался в ее чувствах к нему, ярких, сильных, естественных. Между тем выходило, что она много и охотно говорит о своих эмоциях, но при том ни единым словом пока не обмолвилась о своих мыслях и намерениях.

– Ангел мой, – Багратион поднялся из-за стола, подошел к Екатерине Павловне и поцеловал ей руку. – Мне совсем не хочется уходить отсюда...

– Очень этому рада, милый.

– Однако мундир и шпага остались в гостинице. Там же находится адъютант, владеющий немецким, денщики, строевая лошадь. Все это понадобится для визита к военному министру Австрии. Потому я уезжаю.

– Хорошо, – сказала она. – Завтра здесь соберется небольшое общество моих лучших друзей. Они будут рады приветствовать доблестного русского генерала. Но прошу вас, наденьте свой парадный мундир.

– Желание дамы – закон для офицера! – князь поклонился супруге и вышел из комнаты.

Когда Багратион появился в приемной военного министра, то его сразу узнал один из адъютантов эрцгерцога, одетый в красивый темно-зеленый доломан с серебряными шнурами и пуговицами и накинутый на левое плечо такой же ментик. Майор Гессен-Гомбургского гусарского полка барон фон Вендер почтительно сообщил Петру Ивановичу место и время их давней встречи: австрийская деревня Шенграбен, начало ноября 1805 года. Естественно, генерал от инфантерии не вспомнил храброго майора. Мало ли капитанов, майоров и даже полковников встречалось ему на пути.

Но слово «Шенграбен» много значило в его карьере. Это были события австро-русско-французской войны. Австрийскую армию, вверенную генералу Макку, Наполеон уже

разгромил, союзники отступали. Вместе с русскими гессен-гомбургские гусары защищали селение Голлабрюн от атак корпуса Мюрата, после чего отошли к большой деревне Шенграбен.

Здесь австрийцы получили от французов известие о перемирии, якобы заключенном между Наполеоном и императором Францем Первым. Оно являлось обычной дезинформацией, к которой французы нередко прибегали во время войны. Однако командир Гессен-Гомбургского гусарского полка генерал-майор граф Ностиц почему-то им поверил. Он увел свою воинскую часть с боевых позиций, но все-таки Багратиона об этом предупредил, послав с депешей поручика, барона фон Вендера.

Русские у Шенграбена остались. Под командованием князя Петра они вступили в сражение с противником, имевшим почти шестикратное численное превосходство, и остановили его наступление ценой больших потерь: примерно половина всех наших солдат и офицеров, участвовавших в неравной схватке.

Древич, слушая речь майора, переводил Багратиону запоздалые признания беглеца:

– Замечательный, достойный античных героев подвиг... Как жаль! Да, как жаль, что гессен-гомбургские гусары не вписали столь славную страницу в свою полковую историю...

– У них еще все впереди, – усмехнувшись, ответил генерал.

– Пожалуйте сюда, ваше превосходительство! – другой адъютант военного министра распахнул перед ним тяжелые двери из мореного дуба. – Его высочество ждет вас...

Багратион встречался и с нынешним военным министром Австрии тоже. Дело происходило в Северной Италии в 1799 году, где союзные австро-русские войска успешно действовали против сил республиканской Франции. В 1805 году при Аустерлице они тоже сражались плечом к плечу.

Внешне Карл-Людвиг-Иоганн напоминал Петру Ивановичу его великого учителя, Суворова. Он имел небольшой рост, худощавое телосложение, голубые глаза, движения быстрые и внезапные. Зная о его слабом здоровье, родители готовили сына к церковной карьере. Но его дядя, император Иосиф Второй, разглядел в мальчике задатки военачальника. Действительно, уже в 22 года командуя кавалерийским полком, он отличился на поле боя.

Победа над Наполеоном в битве у селения Асперн сделала молодого генерала национальным героем Австрии. Слава эта, к сожалению, продолжалась недолго. Через полтора месяца австрийцы потерпели поражение при Ваграме. Бесспорно, Главнокомандующий нес личную ответственности за эту неудачу. Но на исход баталии сильно повлияли разные другие факторы, от эрцгерцога не зависящие. Кроме того, он спас от окружения и разгрома свои войска, в полном порядке выведя их в Богемию.

Беседа между Багратионом и Карлом-Людвигом-Иоганном шла с помощью того же Древича. Дальше взаимного обмена любезностями разговор не продвигался. Военный министр хвалил русскую армию, князь Петр – австрийскую. При этом они умалчивали о том, что их противник во всех последних войнах был один и тот же – французы.

Как инструктировал генерала от инфантерии российский посол граф Штакельберг, в беседах с австрийцами теперь следовало проявлять большую осторожность. После бракосочетания Наполеона Бонапарта с эрцгерцогиней Марией-Луизой венское общество разделилось. Одни ругали французов, другие превозносили их до небес. Последних было меньше, но они находились на верхних этажах власти. Эрцгерцог Карл-Людвиг-Иоганн и по должности, и по рождению принадлежал к ним. Потому Багратион не ждал от него никаких откровенных суждений.

– Дорогой князь, – вдруг печально заявил ему военный министр, – вы видите меня в этом кабинете в последний раз.

– Почему, ваше высочество? – удивился Петр Иванович.

– Я ухожу в отставку.

– Как странно, – заметил генерал. – Вы еще достаточно молоды. У вас – большой боевой опыт. Кроме того, армия вас любит.

– Армия – да, – кивнул головой эрцгерцог. – Но другие люди – нет.

– А ваши знаменитые победы? Например, над Наполеоном при селении Асперн?

– Ныне данное обстоятельство только ухудшает мое положение.

– Трудно в это поверить, ваше высочество.

– Французы в Вене, князь! – пристально взглянул на него Карл-Людвиг-Иоганн. – Когда они придут в Москву, вы мне поверите.

Забыв про дипломатическую вежливость, Багратион вскочил с места и довольно резко ответил:

– Нет, нет и нет! Подобного несчастья с моей страной случиться не может!..

Они давно покинули здание военного министерства, приехали в гостиницу «Der Ahorn Blatt», сняли парадные мундиры, заказали ужин, а генерал от инфантерии все не мог успокоиться. Пророчество эрцгерцога о появлении французских войск в Москве не выходило у него из головы.

Карл-Людвиг-Иоганн слыл человеком умным и сведущим. Не стал бы он пугать старого боевого товарища нелепыми предсказаниями. Но, вероятно, на него повлияло поражение в недавней войне и дальнейшие действия Корсиканца по отношению к древней династии Габсбургов.

Между тем Багратион не считал армию императора Франца Первого плохо обученной или неорганизованной, лишенной боевого духа. Просто она столкнулась с умелым полководцем, вооруженные силы которого строились по иной системе, и эта система оказалась более действенной, чем австрийская.

«Но русская армия? – думал теперь князь Петр. – Сможет ли она противостоять захватчикам и в конечном счете нанести им смертельный удар?»

Он не имел обыкновения делиться со своими адъютантами подобными мыслями. Однако поручик Древич, второй год служа у него, и так понимал, что шеф пребывает в мрачном настроении. Карие глаза потомка грузинских царей потемнели, брови сошлись к переносице. Он поглаживал рукой черные густые бакенбарды на правой щеке, и это всегда служило у него признаком некоторого волнения.

Древич решил развлечь начальника. Молодой офицер достал купленный по дороге еженедельник «Le journal de Vienne» и предложил перевести для его превосходительства какие-нибудь забавные заметки.

Еженедельник издавался на французском языке и на французские деньги. Буквально три месяца назад австрийская цензура беспощадно кромсала его публикации. Нынче же бойкие журналисты-франкофилы получили полную свободу самовыражения. Они захлеб писали о Наполеоне Бонапарте, мудрейшем из всех государей, когда-либо правивших на Земле, о французском воинстве, храбром и непобедимом, о самой Франции, где народ живет богато и счастливо.

Начал Древич с обычных для бульварных изданий заметок о чрезвычайных происшествиях. О теленке с двумя головами. О женщине, благополучно родившей тройню. О трубочисте, упавшем с крыши трехэтажного дома, но оставшемся в живых. О пожаре, случившемся в булочной возле «Theater an der Burg», который в прошлом веке построила императрица Мария-Терезия; театр, к счастью, не пострадал.

Предпоследняя страница еженедельника посвящалась международным событиям, и большую часть места там занимала статья «Русские на Дунае». Автор ее, некто Леонард Беккер, вполне достоверно описал действия Молдавской армии в ноябре и декабре прошлого

года, правильно назвал фамилии командиров всех корпусов, сообщил, что князь Багратион был внезапно смещен со своего поста и заменен графом Каменским.

В завершение своего опуса г-н Беккер дал несколько картинок бивуачной жизни, и в частности, ярко обрисовал дикие нравы русских. Оказывается, испытывая страшную нужду в одежде и продовольствии, они грабят нищее население Валахии и Молдавии почем зря.

– Вот псы шелудивые! – в сердцах произнес Петр Иванович. – Откуда они все это взяли?.. Сам ведь знаешь, у нас регулярно шел подвоз из России. Кроме того, местной серебряной монетой я платил румынам и молдаванам за транспорт, за муку, за дрова, за использование печей для заготовления хлеба.

– Свободная западная пресса, ваше сиятельство, – пожал плечами молодой офицер. – Врали, врут и будут врать. Если, конечно, заказ поступит.

– Заказ на что? – хмуро спросил генерал от инфантерии. – Поливать грязью русских?..

Не очень далеко от их гостиницы, в роскошном особняке, который теперь занимало посольство Франции, в своем кабинете на втором этаже у окна стоял человек пятидесяти шести лет от роду, среднего роста, полноватый, с лицом надменным и, пожалуй, неприятным. Он задумчиво смотрел на старинный город, где крыши домов, купола церквей и шпили башен освещало заходящее майское солнце.

Французский посол Луи-Гильом Отто, граф Мослой, знал автора статьи «Русские на Дунае». Это был лучший его осведомитель. Ловкий малый, принятый даже в домах венской знати, неутомимый собиратель всевозможных сведений, которые французы у него охотно покупали. В придачу сей Леонард Беккер обладал литературным даром и, взявшись за перо, умел придать любой сплетне вид объективной аналитической статьи. В последнее время именно это обстоятельство стало важным.

Император Наполеон уже готовился к новой войне и потому ставил перед посольством в Вене сложную задачу. Не только знать все и обо всех мало-мальски заметных персонажах, но и влиять на здешнее общество, распространяя в нем идеи, полезные для завоевателей. Австрийцы же такому вмешательству в их жизнь сопротивлялись. Очаги общественного сопротивления тлели во многих местах. Граф Мослой пытался бороться с наиболее серьезными из них, но в том особых успехов пока не достиг.

За его спиной на столе лежал десятистраничный, правда, еще не законченный еженедельный рапорт начальству в Париже – министру иностранных дел Франции Жану-Батисту де Шампаньи, герцогу Кадорскому. В нем отражалась обычная жизнь монархии Габсбургов: отставки, назначения, приемы во дворце Хофбург, новости из правительственных учреждений, торги на бирже, перемещения лиц, по какой-либо причине интересующих французов. Фамилия князя и княгини Багратион там тоже упоминалась.

В том, какую роль будет играть князь Багратион, приехав в Вену, французы пока не разобрались. Роль же обворожительной его супруги была им хорошо известна. Однако они ничего не могли против нее предпринять, так как не имели прямых доказательств ее конфиденциальной деятельности, в бессильной злобе наблюдая за кипучей светской жизнью русской красавицы и догадываясь, какой урон она наносит наполеоновской Франции при венском дворе. Только в секретных рапортах, подобных этому, граф Мослой отводил душу, изливая в них ненависть к Екатерине Павловне при помощи бранных слов, клеветы и нелепых выдумок о ее прошлом.

Нельзя сказать, что посол через свою агентуру не пытался подобраться к княгине Багратион поближе и собрать о ней более достоверную информацию. Но стандартный прием с подкупом слуг не сработал. То ли Екатерина Павловна держала в услужении людей особых моральных качеств. То ли относилась к ним не по-барски, а по-человечески. То ли французы, известные страстью к экономии, предложили им сумму, явно недостаточную. Даже

горничная Надин Дамьен, уроженка Руана в Нормандии, со скандалом выгнала вон бойкого молодого человека, якобы земляка, предлагавшего ей дополнительный заработок.

Княгиня Багратион продолжала пользоваться повышенным вниманием здешнего общества. В Вене с удовольствием судачили об ее ультрамодных нарядах и умопомрачительных шляпках. Огромные собольи и песцовые шубы, привезенные из России, служили предметом всеобщей зависти. За роскошный выезд, состоящий из двух пар орловских рысаков редкой соловой⁷ масти, брат императора Франца Первого предлагал ей двадцать тысяч дукатов, но княгиня от таковой сделки отказалась. На ее вечера, посвященные истории итальянской оперы, которую она отлично знала благодаря образованию, полученному в доме отца, съезжались и знатные меломаны, и знаменитые музыканты вроде местного корифея – шестидесятилетнего композитора Антонио Сальери.

Конечно, Екатерина Павловна трудилась на благо своей страны и против Корсиканца не одна. Французы полагали, будто она входит в группу под руководством графа Разумовского. Бывшего посла России в Австрии они неоднократно пытались спровадить обратно на родину и писали кляузы на него в австрийское Министерство иностранных дел. Министр Клеменс-Венцеслав-Лотар Миттерних неизменно отвечал Луи-Гильому Отто, графу Мослою, что у правительства нет ни малейшей возможности лишить вида на жительство в Вене частное лицо, сделавшее столь значительный и безвозмездный вклад в благоустройство города.

Что оставалось французскому послу?

Граф Мослой большую часть своей дипломатической карьеры провел в стране, далекой от хитросплетений европейской политики – в Соединенных Штатах Америки. Он дружил с основателями молодого государства Джорджем Вашингтоном и Томасом Джефферсоном. Эта дружба сделала его пребывание там весьма приятным, но напрочь лишила опыта поведения при международных конфликтах.

Вернувшись на родину, охваченную революцией, в 1792 году Луи-Гильом Отто прикнуд к жирондистам, и когда они лишились власти, чуть не попал на гильотину. Пламенный республиканец он тем не менее радостно приветствовал Наполеона.

Император оценил его усердие и назначил послом в Вену. Титул графа Мослоя Отто получил совсем недавно, за устройство брака Бонапарта и эрцгерцогини Марии-Луизы. Но выступать в роли свата и бороться с российской разведкой на территории третьей страны – вещи совершенно разные.

Луи-Гильом аккуратно подшивал в папку вежливые австрийские отписки и без конца строчил жалобы в Париж, рассказывая, как сильно ему мешают здесь работать всякие зловредные персонажи вроде Разумовского и княгини Багратион. Андрея Кирилловича в рапортах он прямо называл «начальником партии, интригующей против Франции».

Кроме Разумовского и княгини Багратион существовал и третий, не менее активный участник группы, серьезно беспокоившей графа Мослоя. Звали этого человека Шарль-Андре Поццо ди Борго.

Он родился на острове Корсика в 1764 году, получил юридическое образование в Пейзанском университете и с юных лет выступал как убежденный противник Наполеона, которого знал лично. В России его приняли на службу с чином статского советника в Государственную коллегию иностранных дел, потом переименовали в полковники Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

В первые месяцы 1807 года Поццо ди Борго приехал в Вену с особым поручением российского правительства. Но неудачная для русских война с французами в Восточной Пруссии приостановила его деятельность. При заключении Тильзитского мира Александр

⁷ Соловый – золотисто-желтый.

Первый уволил корсиканского дворянина в отставку. Таково было пожелание императора французов.

Прошло три года, и Поццо ди Борго, как ни в чем не бывало, вновь объявился в Вене одетым в русский темно-зеленый полковничий мундир с золотыми эполетами и орденом Святого Владимира третьей степени в петлице.

В посольстве Франции вознегодовали. Ведь это – предатель, приговоренный на родине к смертной казни, агент англичан, отдавший им Корсику, а его русский мундир – только маска⁸...

В гостиную Екатерины Павловны было совсем немного людей, и первым, кто представился князю Петру, стал именно Шарль Андре Поццо ди Борго, с лицом, покрытым вечным средиземноморским загаром, худым, энергичным, освещенным блеском карих глаз. Увидев родной темно-зеленый мундир, Багратион невольно сделал шаг ему навстречу и улыбнулся.

Этот человек встречал Багратиона во времена Итало-швейцарского похода Суворова. Тогда он состоял при штабе великого полководца. Петр же Иванович командовал различными отрядами союзных войск. Штабных людей он видел редко, запоминал их с трудом, но все они знали храброго шефа 7-го Егерского полка по его участию в суворовских военных советах.

Как младший в чине Поццо ди Борго встал при появлении генерала от инфантерии. Княгиня Багратион видя, что супруг не узнает ее гостя, поторопилась произнести его имя по-русски: «Карл Осипович» – и корсиканский дворянин, владея языком далекой северной страны уже довольно хорошо, добавил почти без акцента:

– Счастлив видеть ваше сиятельство снова! Особенно – в Вене, и в – гостиную нашей милой княгини.

– Ваше лицо как будто мне знакомо, – заметил потомок грузинских царей.

– Так точно, ваше сиятельство, – поклонился ему Поццо ди Борго. – Если помните последний поход Суворова.

– Я думал, Вы – итальянец.

– Никак нет, ваше сиятельство. Но ошибаются многие...

Уроженца острова Корсика нередко принимали за кого-то другого, знакомого или ранее встречавшегося человека. Он одновременно походил на разноплеменных обитателей Средиземноморья. Так, в Венеции с ним заговаривали по-итальянски, в Марселе – по-французски, в Барселоне – по-испански, и он мог поддержать беседу. Он жил в Англии, где быстро обучился неподражаемому лондонскому акценту, похожему на разговор с кашей во рту.

Затем судьба забросила его в Россию, ее язык он признал наиболее трудным из всех европейских наречий. Однако русские упорно противостояли Наполеону. В них была некая первобытная сила, давно утраченная австрийцами, итальянцами, голландцами, пруссаками. И Поццо ди Борго, шпион международного класса и заговорщик, бредивший освобождением Корсики от французского ига, согласился работать на царя Александра Первого. Не столько из-за денег, сколько по идейным соображениям. Очень приличные суммы за конфиденциальную информацию ему платили англичане. Русские давали другое – прикрытие в виде мундира своей мощной армии, столь уважаемой в Австрии, Италии и немецких княжествах, связи в аристократической среде Европы.

Будучи впервые отправлен из Санкт-Петербурга в Вену с дипломатическим поручением пять лет назад, корсиканец познакомился с графом Разумовским и тотчас признал его огромный опыт в области разведки. Они поняли друг друга с полуслова, и дело пошло на лад.

⁸ Содержание донесений французского посла в Вене взято из книги «Великий князь Н.М. Романов. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона в 1808—1812 гг.», СПб., 1906, т.4, № 512, 513.

Присутствие в связке молодой красивой женщины заметно облегчало выполнение весьма деликатных поручений российского правительства.

Фамилия бесстрашного героя антифранцузских войн придавала романтический ореол прелестной Екатерине Павловне. Ее жизнь в Вене протекала на виду у всех, и великосветские сплетники любили поболтать о своеобразных отношениях между князем и княгиней Багратион. Но данная тема не получала глубокого развития. Во-первых, не находилось свидетелей их ссор, скандалов, разногласий, например, по поводу раздела имущества. Во-вторых, не только генерал от инфантерии, но и другие видные военачальники в нынешнее бурное время постоянно совершали длительные боевые походы, и не все жены хотели следовать за ними по разбитым проселочным дорогам в армейском обозе. В-третьих, княгиня Багратион не злоупотребляла силою своих чар, не искала любовных приключений, не меняла кавалеров, как перчатки.

Сейчас в обществе определенно говорили только об одном ее романе – с министром иностранных дел Австрии графом Миттернихом. Но кого бы оставили равнодушным настойчивые ухаживания этого элегантного красавчика, дамского угодника, умника и хитреца?

Лишь граф Разумовский знал, что роман носил в значительной степени производственный характер. Теперь, когда монархия Габсбургов тяжелой своей громадой, со скрипом и скрежетом начала поворот в сторону наполеоновской Франции, когда изящный любовник Клеменс-Венцеслав-Лотар Миттерних упорхнул в Париж, дабы охмурить грозного завоевателя Европы, роман сам собою подошел к завершению. В настоящий момент Андрея Кирилловича заботило в основном самочувствие княгини Багратион. Ведь женщины так привязчивы и впечатлительны, могут без конца предаваться фантазиям о бывших возлюбленных! А несравненную Екатерину Павловну, имеющую явную склонность к конфиденциальной работе, здесь ему заменить просто нечем...

Разумовский немного опоздал. В просторной комнате собралось около двадцати гостей, и княгиня Багратион уже представляла им супруга и его адъютанта, молодого симпатичного офицера драгунского полка. В парадном мундире, в блеске орденов, с голубой андреевской лентой через правое плечо, при золотой шпаге генерал, подтянутый и стройный, с воинственным орлиным профилем, выглядел великолепно. Екатерина Павловна смотрела на него с полным восхищением. Князь Петр улыбался жене очень нежно.

Без сомнения, присутствующие наблюдали счастливую семейную пару. Военные дороги, поля сражений, смерть, кровь и пот остались за спиной доблестного воителя. Он легко переживал испытания и не вспоминал о них потому, что сердцем всегда стремился сюда, к тихому и уютному гнездышку, созданному для него доброй, милой, преданной подругой. Здесь он находил отдохновение от ратных трудов, утешение от потери боевых товарищей, надежду на долгую и безоблачную совместную жизнь.

Возможно, такие мысли приходили в голову не только графу Разумовскому, пока князь Петр отвечал на вопросы Поццо ди Борго о своих недавних сражениях с турками на Дунае. Переводчиками с русского на немецкий и французский выступили поручик Древич и Екатерина Павловна, в совершенстве владевшая французским, немецким и итальянским.

Ответы генерала от инфантерии звучали кратко, образно, иногда – иронично. Шутил он, конечно, над неудачами мусульман и их покровителей французов. Спокойный, уверенный в себе, остроумный, отлично знающий ситуацию в прифронтовых землях, Петр Иванович излучал огромное обаяние и вскоре внушил публике интерес к собственной персоне. Его слушали внимательно, не перебивая. Атмосфера в гостиной с первых слов князя установилась благожелательная и непринужденная, как то и положено в добронравном семействе при общем сборе у камина, за чашкой чая.

Что скрывать, полководец Багратион был отменно светским человеком! Попав ко двору императора Павла Первого на тридцать восьмом году жизни, он сумел не только понравиться самодержцу, но и быстро усвоить необходимые правила поведения и обороты речи. На первых порах мешало ему незнание французского языка. Однако кое-какие обиходные слова и фразы он запомнил и вставлял их в разговор вполне уместно, чем отчасти восполнял недостаток своего образования. Потом, при начале войн с французами и особенно – после подписанного летом 1807 года в городе Тильзите договора с Наполеоном, вызвавшего волну недовольства в российском обществе, говорить по-французски стало признаком дурного тона. Им прекратили пользоваться в дворянских домах Санкт-Петербурга и Москвы.

– А что вы, генерал, думаете о нынешнем вторжении войск Корсиканца в Испанию? – спросил по-французски человек атлетического телосложения во фраке, украшенном алмазной восьмиконечной звездой ордена Подвязки.

– Желая провала сей его кампании, – ответил Багратион. – Хотя я никогда не встречался с испанцами на поле боя. Умеют ли они воевать?..

Теперь переводила Екатерина Павловна. Она напонила мужу, что вопрос ему задал посол Великобритании в Австрии сэр Самюэль Харкерт-Кинг, частый гость на ее вечерах и, естественно, искренний сторонник антифранцузской коалиции. Умолчала княгиня о том, что английская и русская разведка в Вене сейчас работают рука об руку. Кавалер ордена Подвязки неоднократно передавал ей значительные суммы денег за конфиденциальные сведения из императорского дворца Хофбург, где Екатерина Павловна бывала регулярно. К ней с симпатией относилась сама двадцатидвухлетняя императрица, третья по счету жена Франца Первого, поскольку ценила ее советы в области моды.

При этом как истинный джентльмен сэр Харкерт-Кинг никогда не претендовал на место в спальне княгини Багратион. Он являлся любовником ее лучшей подруги, герцогини Заганьской, также присутствовавшей здесь.

– Но зато вы много раз встречались с французами в сражениях, – не отставал от русского генерала англичанин.

– Французы – молодцы, – вдруг сказал Петр Иванович. – Идут в атаку храбро, при рукопашной схватке стоят до последнего, обычно стреляют метко. Ну и сам Боунапарте – человек не робкого десятка. Мне даже нравится его нахальство. Тут не поспоришь, он – противник серьезный.

Екатерина Павловна повернулась к мужу:

– Это тоже переводить, друг мой?

– Переведите, – кивнул головой князь Петр. – Сколько мы их положили под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, Гейльсбергом, Фридландом – не сосчитать. А все лезут... Пусть островитянин знает, что без нас им с этой напастью не справиться. Пусть золотом платят за русскую кровь, жадные купцы заморские!

– Нет, так нельзя. Получается недипломатично, – тихо, но решительно ответила молодая женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.